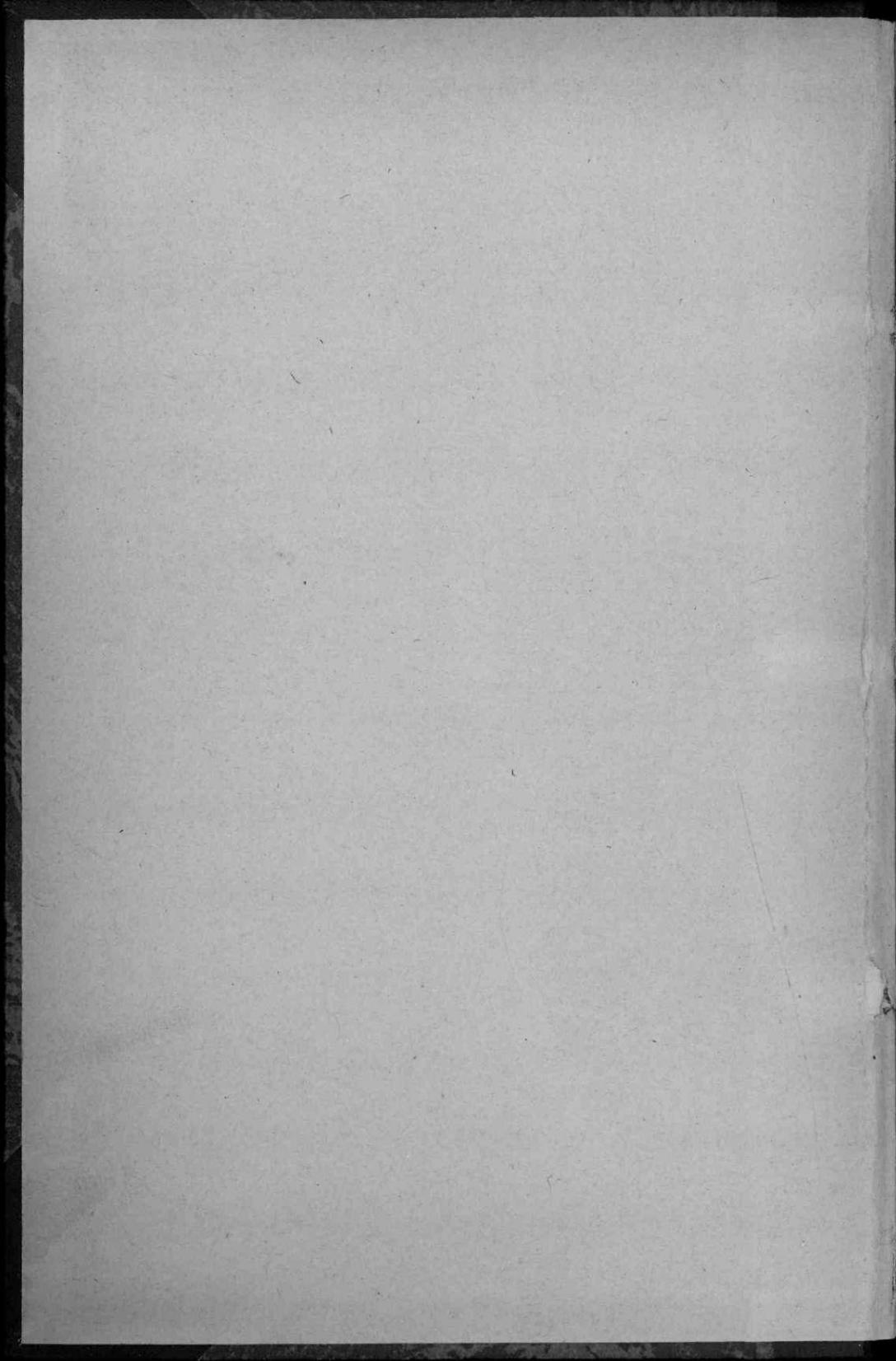


Narodna in univerzitetna knjižnica  
v Ljubljani

88569

1



Самкоп; / Тим Марія

# библіотека

избранных  
славянских  
писателей



книга первая

СПб 1910 г.

# Библиотека

избранныхъ

## СЛАВЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книга первая.

### СОДЕРЖАНІЕ.

- і. С. Махаръ. На Голгофѣ. (Съ чешскаго перевелъ Левъ Савинъ).
- М. Конопницкая. Стихотвореніе. (Съ польскаго перевелъ А. Боровскій).
- Сильвіе Кранъчовичъ. Провидѣніе. (Съ хорватскаго перевелъ Н. Новичъ).
- М. Ускоковичъ. Fragmenta vitae. (Съ сербскаго перевелъ Д. Бошняковичъ).
- Иванъ Цанкаръ. Въ домѣ Маріи Заступницы. (Съ словинскаго перев. И. Лавринъ).

Изданіе журнала «Славянскій Міръ».

СПБ., 1910 г.

# Ivan Cankar v ruščini

Ob koncu lanskega leta je izšla knjiga »Ivan Cankar — glasnik naših dni«, kjer je objavljena tudi bibliografija celotnega doslej znanega Cankarjevega dela (časovni pregled, korespondenca, drobiž) in tudi vsi v samostojnih knjigah ali zbirkah izdani prevodi Cankarjevih del. Med prevodi v ruščino sta navedeni dve knjigi, in to: »Bartolo i ego pravo« (Moskva-Leningrad 1927) in »Povesti i rasskazy« (Moskva 1945). O drugih izdajah Cankarjevih del v ruskem jeziku ni bilo nič znanega; bile so neke domneve o prevodu povesti »Hiša Marije Pomočnice«, o točnih podatkih ni bilo in izdaja knjige je bila popolnoma neznana.

V »Obiskih« je Cankarjeva izjava o prevodu »Hiše Marije Pomočnice«, kjer pravi: »... Eden pasus je tak, da bi ga v drugič ne napisal več, ker je nepotreben in dvoumen. Zato sem v ruskem prevodu prepovedal tiste strani in v češkem tudi. Pri Slovencih pa naj ostane... (Izidor Cankar »Obiski«, stran 10.) To je izjavil pisatelj leta 1910-11. O objavljanju prevoda pa imamo dve poročili v »Ljubljanskem Zvonu« za leto 1909, ko poroča o mesečniku »Slavjanskij Mir«. Na strani 60. je poročilo, da bo izhajal ta mesečnik »... po enkrat na mesec v Petrogradu in bo posvečen književnosti, umetnosti in sploh gibanju med slo-

**DODAJ:** 1/ Vsebinska: Mat'. Kak ja stal socialistom. Policejskām polezna gimnastika. Čelovek s toga berega. Batrak Jernej i ego pravo. Povest o Simone Sirotnike. Kurent.

2/ »Zbrani spisi«, zvezek VI., str. 359/

библиотека  
изъ россійскихъ  
славянскихъ  
писателей



книга первая  
СПБ 1910 г.

vanskimi narodi. Izdajanje tega lista je rodilo spoznanje, da je v skupnem delu slovanskih narodov medsebojno spoznavanje prvi pogoj.

Prva številka obsega prevode iz vseh slovanskih narodov, a na čelu je postavljen prevod Cankarjevega spisa »V hiši Marije Pomočnice«. Kasneje poroča dr. J. Tomišek nekoliko več o programu lista in »da se na prvem mestu revije pričinja prevod Cankarjeve »Hiše Marije Pomočnice«. V izvirnem delu lista piše L. Savin študijo o Cankarju, vpeljana z nekoliko opazkami o Slovencih sploh in o njih literaturi. (Stran 320.) Koliko številke te revije je izšlo in kako je bilo s prevodom »Hiše Marije Pomočnice«, ni bilo mogoče dognati; vemo le, da je bil v 3. in 4. številki leta 1910 objavljen nov ruski prevod »Krstja pri Savici«, katerega je slabo prevedel Lavr. Leskovec. (»Ljubljanski Zvon« 1910, stran 574.)

V članku o Janku Lavrinu, sedaj profesorju na univerzi v Nottinghamu (Anglija), objavlja »Slovenski biografski leksikon«, da je »po maturi na Sušaku leta 1907 nadaljeval študije v Rusiji... in je kot visokošolec izdajal ruski mesečnik »Slavjanskij Mir«, isal eseje, prevedel Cankarjevo »Hišo Marije Pomočnice« (Peterburg 1910)...« (Str. 624.)

To so torej vse vesti o prevodu in izhajanju prevoda »Hiše Marije Pomočnice«. Iz teh vesti ne sledi, da je bil prevod v celoti objavljen in zato ne zasledimo nikjer več nobene vesti o tem prevodu; v prvi bibliografiji Cankarjevih spisov, ki jo je objavil dr. J. Šebinger v knji-

žici »Spominu Ivana Cankarja« (Ljubljana 1919) ta prevod ni omenjen, in tudi urednik »Zbranih spisov Ivana Cankarja«, dr. Izidor Cankar, kateremu je pisatelj govoril o ruskem prevodu »Hiše Marije Pomočnice«, ne omenja prevoda nikjer, pač pa navaja češki, hrvatski in tudi angleški prevod, ki se pripravlja. 2/

Kaj je torej s tem prevodom, kako je z izdajo te knjige, opis knjige, to je njena bibliografija? Revije »Slavjanskij Mir« ni v naših knjižnicah, menda je ohranjenih le nekaj številke. Pač pa se je našel te dni izvod »BIBLIOTEKE IZBRANJIH SLAVJANSKIH PISATELJ«, ki jo je prav gotovo zasnoval ustanovitelj revije »Slavjanskij Mir«, prof. Janko Lavrin. »Knjiga prva« cit. biblioteke obsega prevode I. S. Maharjeve pesmi »Na Golgoti« (stran 3—7), na strani 8 so štiri štirivrstična »Stihotvorenje« M. Konopnicke, na strani 8 in 9 je S. Kranjčevičevo »Providenie«, nato M. Uskokovičeva proza »Fragmenta Vitae« in nato na strani 15 celostranski naslov:

Иванъ Цанкоръ.

Въ домъ Маріи Заступниці.

Съ словянскаго перевода

И. Лавринъ

Naslov se ponovi v manjših črkah še na strani 17 — stran 16 je prazna — nakar sledi tekst prevoda povesti prav do konca zadnje strani te prve knjige cit. biblioteke, ki šteje 90 strani.

Pod črto so tri opombe prevajalca: tolmačenje besede in opis pokrivala sestre usmiljenke (stran 18), o Katreinerjevi kavi (stran 27) in opomba na strani 83, ki se glasi v prevodu: Po nekaterih premislekih je bila redakcija primorana izpustiti tri četrtine tega poglavja. To je VIII. poglavje; izpuščen je tekst vse do stavka: »Z novo materjo je prišla tudi njena hčerka...« do odstavka, ki začne: »Lepo je zdaj doma!, je dejal oče...« (Zbrani spisi VI. zvezek, stran 317 zgoraj do strani 324 zgoraj.)

Na naslovni strani, ki ima poleg naslova tudi navedbo vsebine, »soderžanie«, je označen kraj in leto izdaje in založnik: Izdanie žurnala »Slavjanskij Mir« SPB 1910. (SPB je Sankt Peterburg.) Ovitok z napisom kakor spredaj, a brez navedbe vsebine in založnika, »hudožestvenaja obložka«, je narisala B. M. Kustodieva, kakor je navedeno na drugi strani knjige. Na ovitku je risba ruske žene ob žetvi, ko gleda proti zapadu. Zadnja stran ovitka ni ohranjena, a je domnevno bila brez teksta.

Knjiga je imela obliko velike osmerke; sedaj je zaradi obreze ob

vezavi nekoliko manjša (14,5 × 22 cm).

Ta prevod odnosno ta izdaja Cankarjevega dela v ruskem jeziku je prav gotovo prvo Cankarjevo delo, ki je izšlo v ruskem jeziku v knjigi, ki je nam bila doslej popolnoma neznana. Naj pripomnimo še to, da je bila ta izdaja tudi med prvimi izdajam Cankarjevih prevodov, saj so do leta 1910 izšli le trije češki in en finski prevod, a »Hiša Marije Pomočnice« je izšla najprej v ruskem prevodu, nato šele v češkem (1911) in šele leta 1930 v srbskem prevodu, ki je precej okrajšan. (Izdaja »Srpska književna zadruga« z uvodom N. Bartulovića, ki tudi citira Cankarjevo zahtevo, da se nekatera mesta izpustijo, vendar se krajšanje v tej objavi ne krije z rusko izdajo.) Letos je izšel pri Nakladnem zavodu Hrvatske v Zagrebu izbor Cankarjevega dela, ki obsega tudi popolno izdajo »Hiše Marije Pomočnice«.

B. Gerlane.

## Novе knjige in revije

Dr. Walter Daudt: Radiotehnika. I. dio. Fizikalne osnove radiotehnike. Prevedel ing. Roman Galič. Izdala Radiostanica Zagreb, str. 208. Zagreb, 1947.

Slovensko bratstvo. Časopis Slovenskog komiteta Jugoslavije. Urednik Marijan Jurkovič. Leto I. štev. 3. Beograd, Marec 1947.

"Slovenski poročevalec" št. 108 od 9. maja 1947

# І. С. Махаръ.

## НА ГОЛГОФЪ.

Съ чешскаго перев. Левъ Савинъ.

Быль третій часъ,—и межъ крестами  
Воздвигли крестъ.

Уставши отъ трудовъ,  
На окровавленной, истоптанной землѣ  
Сидѣли воины. Дѣлили ризы,  
И о хитонѣ цѣльно тканномъ  
Метали жребій.

Вожди ихъ подходили,  
Смотрѣли вверхъ, смѣялись, потрясая головами:  
„Ха-ха! ха-ха!.. Сойди съ креста! Сойди!  
Вѣдь Ты царемъ назвался!  
Хотѣлъ разрушить храмъ, въ три дня возобновить,  
Ну, помоги-жъ себѣ“!

Тамъ книжники стояли рядомъ,  
И возлѣ нихъ сѣдые фарисеи  
И говорили:  
„Воистину... Да, да...  
Другимъ Онъ помогалъ, пусть Самъ Себѣ поможетъ!“  
А издали смотрѣли жены,  
Служившія Иисусу въ Галилеѣ:  
Марія, Саломея, Магдалина,  
И остальные, что вошли съ Нимъ въ городъ...

Висѣлъ Онъ на крестѣ среди злодѣевъ,  
Худой, истерзанный... На тѣлѣ обнаженномъ  
Застыла кровь,—а съ ногъ и рукъ  
Текли потоки красные  
И капали на землю...

Тоскующія очи вдаль смотрѣли  
Чрезъ бѣлый городъ, рощи и холмы  
На мирныхъ горъ вершины...  
А тамъ вдали блестѣли  
Синѣющія воды Галлилеи...

Склонилъ Онъ голову...  
И вдругъ его ушей  
Коснулся крыльевъ шумъ...  
Но не былъ это посланный Отца,  
Не ангелъ съ чашей утѣшенья  
Измученной истерзанной душѣ...  
О, нѣтъ!..  
Широкія раскинувъ крылья  
Нетопыря—Духъ зла спускался внизъ,  
Все ниже, ниже...  
Припалъ къ кресту,  
Къ челу Его склонился...  
А Онъ терпѣлъ и это,  
Усталый духъ Его  
Бороться не былъ въ силахъ...

И Сатана сказалъ:

О мученикъ, исполненный терпѣнія!  
Здѣсь, на крестѣ, мы видимся опять.  
Теперь въ послѣдній разъ,—сегодня все рѣшилось...  
Оконченъ бой...

Ты помнишь ли,  
Тому теперь три года,  
Среди пустыни какъ тебя вознесъ я  
На гору?...  
И съ высоты всѣ царства показалъ,  
И силу всю, и славу міра...  
Все обѣщаль Тебѣ лишь за одно:  
Чтобъ Ты, упавъ, мнѣ поклонился...  
Ты отказалъ...  
И сталъ вѣщать о Царствѣ,  
Грядущемъ Царствѣ неба...  
Награду вѣчную Ты дать хотѣлъ  
Убогимъ, немощнымъ, сердцами чистымъ,  
Смирненнымъ духомъ указать путь къ славѣ  
Предвѣчнаго Отца...

Съ чела потомковъ бѣдныхъ  
Сорвать хотѣлъ печать проклятья...  
Подобно Агнцу Ты на смерть пошелъ, —  
Смирненно, кротко...  
И кровь свою невинную пролилъ.  
Чтобы росой увлажить молодой посѣвъ.

О Назарей!.. Ты видишь ли толпу,

Шумящую какъ волны,  
Вокругъ креста?...

Скажи, давно ли съ торжествомъ  
Ты въ городъ въѣхалъ?  
Они кидали пальмы подъ копыта  
Осленка Твоего, Давидовымъ Тебя назвали сыномъ...  
Ха-ха!.. Они мечтали,  
Что Царство Божіе ужъ близко,  
Что обѣтованное ужъ настало время,  
Котораго такъ долго ждали...  
Ты снова отказался... И тогда  
Обманутые, жаждущіе мести  
«Распни Его!»—передъ Пилатомъ выли.  
Гляди, какъ тутъ они,  
Качая головой, хохочутъ:  
„Иудеевъ Царь здѣсь распятъ!  
Назвалъ себя онъ раньше Сыномъ Бога,  
Да позабылъ Отецъ о Немъ, должно быть...  
Пусть самъ себѣ поможетъ!..“

Да, да!.. Отецъ забылъ...

Взгляни на это небо...  
Гдѣ мнилъ Ты, что сидитъ Онъ въ славѣ вѣчной;  
Безоблачное, ясное—смѣется тихо...  
И эта безучастная улыбка,  
Какою до тебя была,  
Останется и послѣ... И всегда...  
Однимъ закономъ лишь  
Все жило и живетъ...  
И птицамъ, въ воздухѣ парящимъ,  
И звѣрямъ въ темныхъ пущахъ,  
И людямъ—всѣмъ законъ одинъ:  
*Кто слабъ, да будетъ уничтоженъ сильнымъ!*  
И это мой законъ...

Знай: въ мірѣ безконечномъ  
Я только Царь, я только жизнь...  
Въ сердцахъ людей и душахъ мой престолъ,  
И съ моего престола  
Меня никто не въ силахъ выгнать,  
Ни Ты, ни Твой Отецъ!..

А Царство Божіе,—  
Ахъ, сонъ, мечта... Даруй ее людямъ,  
Даруй на вѣки!..

Смотри, какъ римскій сотникъ

Спокойно говорить  
Съ сѣдымъ законникомъ.  
Они преемники Твоихъ мечтаній...  
Изъ нихъ одинъ кумиръ свой промѣняетъ.  
Другой Иегову на Христово имя,  
И все-жъ.... Миръ будетъ жить по моему закону дальше...

Зачѣмъ тогда не взялъ Ты  
Всѣ царства сильныя, всю славу міра,  
Какъ щедрый даръ изъ щедрыхъ рукъ моихъ?  
Младая жизнь не кончилась бы здѣсь  
Въ позорныхъ мукахъ...  
Ты могъ бы наслаждаться, жить...  
Быть счастливъ самъ и дать  
Милльонамъ счастье...  
что принесъ ты? Смерть и разрушенье...  
первый самъ падешь...

И за Твои мечты  
И имя—тысячи своею кровью  
Обильно оросятъ кресты, арены, плахи...  
Когда жъ окажется,  
Что сонъ Твой побѣдилъ,  
Тогда въ Твое же имя,  
Твоимъ же именемъ—  
Братъ станеть убивать родного брата...  
И по всему пространству свѣта запылають  
Костры для жертвъ безчисленныхъ...  
И войны именемъ Твоимъ родятся,  
Края цвѣтушіе пустыней стануть,  
Исчезнутъ, опустѣють города,  
Объятые губительнымъ пожаромъ.  
Въ проклятье будетъ имъ святое имя  
И цѣпью рабской тѣлѣ и душъ милльоновъ...

Взгляни на сотника съ законникомъ...  
Одинъ, вотъ, убивать  
Во имя Божье будетъ...  
Другой тѣмъ самымъ именемъ  
Его жъ благославлять...  
Созданій бѣдныхъ милліоны  
Поплатятся за сонъ Твой самымъ цѣннымъ,  
Безцѣннымъ благомъ—жизнью...  
И надъ пролитой кровью

Мечта Твоя  
О вѣчномъ Царствѣ Божьемъ  
О славѣ неба—  
Носиться будетъ, какъ обманъ...  
Награда мертвымъ, а живымъ приманка  
Все до скончанья міра...  
О, почему тогда не взять Ты  
Всю славу здѣшнюю, всѣ царства?  
Вѣдь все мое...  
Я жизнь, я самъ владыка міра...  
Въ сердцахъ людей и душахъ мой престолъ,  
Гдѣ властвую я вѣчно, вѣчно...

Тутъ Сатана поднялся...  
Расправилъ крылья—  
Огромныя и темныя...  
Они росли, подобно вихрю,—безгранично...  
И надъ Голгофой,  
Надъ городомъ, долинами, холмами,  
Надъ отдаленными горами,  
Надъ синей гладью водъ—  
Висѣло мрачное, густое покрывало...  
И тьма великая легла на землю  
Отъ ужаса дрожащую...

Христось послѣднимъ взоромъ  
Окинулъ все,  
Вздохнулъ  
И громко простоналъ:  
«Эли, эли, лама савафани!»  
—и умеръ.....



Изъ **Маріи Конопкицкой.**

Съ польскаго перев. А. Боровскій.

---

Ходило насъ немного  
Безмѣрной той дорогой:  
Я, солнце золотое,  
Да сердце—только трое.

\* \* \*

Была я сномъ неяснымъ,  
Скиталицей мечтою..  
А солнце—счастьемъ краснымъ  
А сердце—сиротою...

\* \* \*

Мы шли въ толпѣ угрюмой  
Лучъ—пламенной волною,  
Я—вслѣдъ съ своею думой,  
А сердце—шло съ тоскою

\* \* \*

Разбили дружбу эту...  
Лучъ солнца тучи скрыли,  
Я—все брожу по свѣту,  
А сердце ужъ въ могилѣ.



# Сильвіе Крахъчевичъ.

## ПРОВИДѢНІЕ.

(Народный мотивъ).

Съ хорватскаго перев. Н. Новичъ.

Хиль, болѣзненъ былъ ребенокъ,  
Материнскаго ухода  
Онъ потребовалъ не мало  
За три прожитые года.

Сильно въ пятницу головка  
У ребенка заболѣла,  
Черезъ день же, къ воскресенью,  
Бездыханнымъ было тѣло.

Какъ унылая кукушка,  
Что въ лѣсу весь день кукуеть,  
День за днемъ, за лѣтомъ лѣто  
По сыночкѣ мать тоскуеть.

Какъ пошло восьмое лѣто,  
Въ полночь слышитъ мать: въ прихожей  
Кто-то стукнулъ; слышенъ голосъ:  
„Это—я, посланникъ Божій!

Надоѣло слушать Богу,  
Какъ ты ропщешь многократно:  
Богъ послалъ тебѣ ребенка,  
Онъ и взялъ его обратно!

Знаетъ Богъ, что нужно дѣлать.  
Если жъ ты не понимаешь—  
Встань, иди за мной,—ты скоро  
Цѣну слезъ своихъ узнаешь!“

Встала мать; въ глухую полночь  
По равнинѣ безконечной

Вель бѣднягу ангелъ Божій  
Тяжко было ей, сердечной.

Передъ матерью несчастной  
Камни молча разступались;  
Капли слезъ ея горючихъ  
По слѣдамъ ея остались...

Подошли къ какой-то горкѣ;  
Здѣсь на висѣлицѣ тѣло,  
Кольхаемое вѣтромъ,  
Мать во мракѣ разглядѣла.

И сказалъ ей ангелъ Божій:  
Преклонись предъ Провидѣньемъ!  
Если бъ сынъ твой живъ остался,  
Онъ бы кончилъ преступленьемъ!

Мать же къ сыну на веревкѣ,  
Какъ безумная, припала,  
Обнимала трупъ холодный,  
Руки, ноги цѣловала...

Ужаснулся ангелъ Божій,  
Крику матери внимая:  
«Для чего жъ Ты даровалъ мнѣ  
Сына, будущее зная!?!»



**М. Ускоковичъ.**

## **Fragmenta Vitae.**

Съ сербскаго перев. Драг. Бошняковичъ.

### **1. На могилѣ отца**

Спи въ тѣни нашихъ горъ, отецъ! Спи въ ароматѣ ириса и полевыхъ цвѣтовъ! Въ тиши нашего кладбища—спи! Спи, убаюканный горькой пѣсней своего сына... Спи, о спи, дорогой мой отецъ!

Давно ты меня послалъ на путь счастья. Этотъ путь шелъ черезъ горы почета и золота, черезъ бездну позора и грязи, широкими горизонтами блеска и низкими темными закоулками горечи. И вездѣ борьба, вездѣ слышенъ крикъ боли, повсюду чувствуется запахъ крови... Нигдѣ нѣтъ счастья, а жизнь—кошмарный и праздный сонъ, отецъ!

Спи въ своемъ счастьи, отецъ!

Издалека вернулся твой сынъ,—безъ друзей, безъ пріятелей, безъ счастья,—вернулся, чтобы обнять твою великую дорогую могилу. Обманывали, мучили меня, отецъ, и вотъ я, припавъ къ тебѣ, какъ въ тѣ былые дни, хочу выплакаться, хочу плакать долго и свободно.

Какъ хорошо, какъ прекрасно въ тѣни нашихъ горъ, какъ пьянѣешь отъ аромата ириса и полевыхъ цвѣтовъ, какое спокойствіе даетъ твоя могила!...

Ахъ, какъ ты счастливъ, мой отецъ! Спи въ тѣни нашихъ горъ, отецъ! Спи въ ароматѣ ириса и полевыхъ цвѣтовъ. Въ тиши нашего кладбища спи. Спи, убаюканный горькой пѣсней своего сына... Спи, о, спи, счастливый мой отецъ!

### **2. День, который я люблю.**

Я ненавижу зиму, когда спишь для того, чтобы жить. Ненавижу весну, ибо мы должны были-бы имѣть умъ ожившихъ мошекъ, чтобы радоваться ихъ радостью...

Ненавижу лѣто—время аромата и червей...

Я люблю осень. Люблю ея красивый день, когда утрен-

ніе туманы теряются въ синей дали, когда дивное солнце съ высоты темно-синяго неба бросаетъ свои мягкіе лучи на иней, которымъ обросли наши деревья... и наши сердца...

Я люблю тотъ день, когда дыханіе общей смерти соединяетъ все разъединенное въ природѣ, и когда всѣ созданія готовыя уже умереть, восторженно шлютъ непонятному, но ошущаемому Царю неба, земли и моря могучій привѣтъ:  
Ave, Caesar, morituri Te salutant!

Я люблю этотъ день,—день веселаго умиранія.

### 3. Зимой

Сидимъ въ твоей маленькой, просто убранной комнаткѣ.

Раннія сумерки крадутся сквозь уставленное цвѣтами окно. Освѣщенные послѣдними отблесками уходящаго дня, они кажутся еще блѣднѣе, еще болѣзненнѣе.

Въ комнатѣ тепло. Изрѣдка слышно потрескиваніе дровъ въ каминѣ, и красноватое пламя на мгновеніе освѣщаетъ комнату и разгоняетъ мракъ, собравшійся уже въ углахъ. Задрожитъ на сложенныхъ полѣньяхъ, побѣжитъ по стѣнѣ и озаритъ твое блѣдное, прозрачное лицо.

Ты сидишь возлѣ меня на своемъ маленькомъ соломенномъ стулѣ. Головка твоя тихо склонилась мнѣ на плечо. Ты закрыла глаза.

Синеватые круги подъ глазами теряются въ тѣни твоихъ длинныхъ рѣсницъ. Твоя невинная грудь подымается и опускается въ тактъ твоему дыханію.

Ты мечтаешь...

Вотъ розы, свѣжія майскія розы, красныя, какъ кровь. Въ росѣ, въ блескѣ юнаго солнца онѣ улыбаются въ твоёмъ саду. Хочешь сорвать одну, и вдругъ маленькая божья коровка падаетъ на твою руку. Она ползетъ по ней, а ты ей радостно улыбаешься...

Бѣдная моя, дорогая! Ты мечтаешь о теплыхъ майскихъ дняхъ, а на дворѣ крѣпнетъ морозъ, и снѣгъ падаетъ на твои розы, и на могилы твоихъ божьихъ коровокъ.

### 4. Въ дорогѣ.

Лошади трусятъ, и тарантасъ катится длинной, однообразной дорогой.

Старый, одиноко стоящій, дубъ сонно бросаетъ тѣнь на поляну.

Стриженные барашки беззаботно щиплютъ опаленную солнцемъ траву. Одна коза поднялась на молодую березку и пытается достать зеленую вѣточку. Пастухъ, лежа на животѣ и лѣнливо зѣвая, смотритъ вслѣдъ за тарантасомъ, который терпѣливо тащатъ двѣ привыкшія къ этой работѣ клячи. Ямщикъ тупо глядитъ, ни о чемъ не думая.

Легкая дымка, сотканная изъ лучей солнца, мирно стоящаго на прозрачномъ небѣ, стелется по далекимъ молчаливымъ горамъ предо мною.

Тишина, довольство и глубокой покой царятъ въ природѣ.

Все кругомъ отдыхаетъ, все спокойно.—Почему-же только у меня на душѣ такъ тревожно, почему мнѣ одному такъ грустно?..

## 5. Finale.

Хотѣлъ-бы умереть,—но не снить въ запахѣ сосны и мокрой земли. Тамъ, далеко, далеко, въ безконечной шири океана, на вѣнкахъ изъ водорослей и бѣлыхъ водяныхъ лилій, убаюканный таинственной пѣснею морскихъ волнъ, хотѣлъ-бы я уснуть вѣчнымъ сномъ. Хотѣлъ-бы, чтобы изъ моихъ костей сстался твердый, могучій гранитъ, а изъ плоти моей—плодородная почва. Чтобы мои желанія переродились въ мелкіе, голубые полевые цвѣты, съ ароматомъ любви моей и грусти. Чтобы надежды мои ожили въ стаи пестрыхъ птицъ, летящихъ сквозь тѣнистый лѣсъ, выросшій изъ моихъ волосъ. Чтобы моя вѣра, сильная какъ языческіе боги, воскресла и съ запахомъ водяной пустыни поднялась высоко, высоко—въ синюю даль морского неба. Чтобы глаза мои превратились въ два холодныхъ родника, теряющіеся извилистыми серебристыми потоками въ изумрудно-синей безднѣ морской. А вся горечь и ненависть моя просочилась въ грязную тину—логовище ядовитыхъ змѣй—и поила дикихъ злыхъ кошекъ. И вотъ, когда въ далекой синевѣ морской заблѣютъ паруса заблудившагося корабля, сторожъ съ верха мачты радостно крикнетъ «земля, земля!» Усталые матросы, собравшись съ силами, пригонятъ ладью къ берегу, жадно прибѣгутъ къ моимъ источникамъ, напьются холодной воды, надышатся ароматомъ голубыхъ цвѣтовъ и лягутъ въ тѣни моего лѣса.—Тогда пусть зашипятъ злыя змѣи, неслышно крадучись сквозь пышную траву, подпол-

зуть и, какъ пиявки, прилипнуть къ человѣческому тѣлу, жаля безъ милосердія, безъ сожалѣнія... И когда люди отъ боли и яда стануть, какъ черви, корчиться по землѣ, пусть придуть тогда дикія, злыя кошки, съ яростью разтерзають глаза ихъ, лицо, кости и отъ восторга завоюють ужаснымъ воємъ.

Всѣ черепа пусть достанутся моимъ коралламъ и раковинамъ, и только одинъ человѣкъ пусть будетъ отпущенъ, чтобы могъ рассказать всѣмъ про красоту и ужась острова, носящаго мое имя.



**Иванъ Цанкаръ.**

**Въ домъ Маріи Заступницы.**

Съ словинскаго перевелъ

**И. Лавринъ.**

## Въ домъ Маріи Заступницы.

Со словинскаго перев. И. Лавринъ.

I.

Тихо закрылись огромныя желѣзныя ворота. На холодныхъ стѣнахъ полутемнаго корридора появились на мгновение лучи осенняго солнца. За стеклянными дверьми, въ комнатѣ привратницы горѣла красная лампада длиннымъ, ровнымъ пламенемъ; свѣтъ ея падалъ на Распятіе съ нагимъ окровавленнымъ тѣломъ Христа; Онъ не поникъ еще головой и смотрѣлъ широко раскрытыми кроткими глазами. Мальчи задрожала на рукахъ матери и перекрестилась.

Изъ стеклянныхъ дверей вышла привратница, молодая хромая женщина. Она улыбалась, какъ улыбаются въ монастыряхъ,—холодной, унылой улыбкой.

«Да славится имя Господне! Идите наверхъ, все время налѣво, во второй этажъ, по корридору, до дверей, гдѣ надпись: „Комната святой Агнесы“.

Пошли дальше... Мальчи обнимала мать за шею и прижималась къ ея груди. Корридоры были пустыя, угрюмыя; шаги отдавались кругомъ, будто приходили и уходили невидимые люди. Онѣ остановились и слышали изъ-за стѣны голоса вздыхающіе, стонущіе, похожіе на голоса молящихся въ мрачной церкви поздней ночью предъ полуосвѣщеннымъ алтаремъ.—Стѣны были увѣшаны священными картинами, красныя лампы горѣли предъ ними, увядшіе цвѣты висѣли вокругъ рамъ. Мальчи глядѣла на эти картины очарованными глазами. Жутко ей становилось и крѣпче прижималась она къ матери.

На первой картинѣ былъ изображенъ святой Стефанъ; обнаженное до пояса, какъ выточенное, бѣлое тѣло свѣтилось съ темной картины; стоялъ онъ на колѣняхъ, откинувъ голову назадъ; глаза его были устремлены къ небу, руки сложены на груди. Длинные кровавыя ручки текли съ лица и плечъ по нѣжнымъ бѣлымъ рукамъ, по всему тѣлу,

а лицо его было такое смиренное, спокойное,—лишь губы, казалось, шевелились. Безчисленное множество огромных красных рук поднималось со всѣхъ сторонъ, дикіе образы свирѣпо глядѣли съ темнаго фона. Святой спокойно стоялъ на колѣняхъ среди груды окровавленныхъ камней, и глаза его были полны слезъ умиленія, какъ будто узрѣли ту красоту, къ которой стремились всю жизнь... И вотъ—окровавленные камни превратились въ ароматныя алыя розы.

На другой картинѣ была изображена дѣва, въ длинномъ бѣломъ плащѣ. Лицо ея было спокойно; въ рукахъ держала она серебряное блюдо, а на блюдѣ лежали отрѣзанныя дѣвственныя перси. Бѣлыя линіи были въ волосахъ, такія бѣлыя, какъ ея лицо. Взоръ она устремила въ небо, на Того, Кому принесла въ жертву свои дѣвственныя груди!.. Два дикихъ лика жадно смотрѣли за нею изъ тьмы.

Шли дальше... Корридоры были темные, безлюдные. Пришли къ высокому окну, до половины завѣшенному бѣлою шторою. Предъ окномъ стояла низкая скамейка; мать опустилась на колѣни; Мальчи взглянула сквозь окно въ полумракъ. Изъ пулумака засвѣтился, словно широкія бѣлыя крылья, головной уборъ сестры милосердія \*), которая сидѣла у самаго окна за фисгармоніей. Голова ея была наклонена, лицо бѣлое, словно изъ мрамора, а губы такія блѣдныя, блѣднѣе полотна ея головного убора; полузакрытые глаза были спокойны, какъ все лицо, спокойны, какъ полумракъ тамъ вдали.

Рука коснулась клавишей, и одинокій звукъ, какъ-бы издалека, заколебался въ воздухѣ, падалъ, медленно терялся внизу во мракъ.

Гдѣ-то мерцаль огонекъ; низко съ потолка спускалась на серебряныхъ цѣпочкахъ лампада, освѣщая огромный образъ Божьей Матери, величиной отъ потолка до алтаря.

Божья Мать стояла въ длинномъ синемъ плащѣ, усѣянномъ золотыми звѣздочками. Нога ослѣпительной бѣлизны выглядывала изъ-подъ расшитаго золотомъ плаща покоясь на плоской головѣ исполинской зеленой змѣи, которая трижды обвила землю страшнымъ, гнуснымъ кольцомъ. Отъ рукъ Богоматери, съ каждаго Ея пальца, лились лучи милосердія на землю; но яснѣ звѣздъ, яснѣ золотой каймы и лучей милосердія было лицо Богоматери. Мальчи

---

\*) Католическія монахини носятъ на головѣ большой уборъ изъ бѣлаго полотна на подобіе крыльевъ.

посморѣла на большіе, устремленные къ небу, полные мира и любви, глаза, посморѣла на губы, такія серьезныя и благія, посморѣла на серебристую слезу, сверкающую на бѣлой щекѣ,—и ей стало хорошо. Прижалась челомъ къ окну, и Богоматерь заколыхалась, выступила изъ тьмы, и прямо предъ ней очутилось Ея милосердное лицо...

Встали... Прошла мимо женщина, Мальчи затрепетала отъ ужаса и прижалась къ матери: щеки женщины были всѣ разѣдены, виднѣлось живое мясо, не было ни губъ, ни носа, и языкъ лизалъ голыя челюсти. Остановилась на многовеніе, оглянулась спокойно.—«Да славится имя Господне!» и пошла дальше. Мальчи дрожала, ей было холодно; а корридоръ такой длинный, безконечно длинный, одинокій... Вель, Богъ знаетъ, куда, въ новую, неизвѣстную страну, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни человѣческихъ голосовъ, въ страну полную святыхъ и призрачныхъ чудесъ, полную спокойныхъ, шепчущихъ молитвы лицъ, такихъ необыкновенныхъ, такихъ странныхъ, будто слетѣли они съ небесъ отъ самаго Божьяго трона.

Двери отворились. Съ постелей поднялись головы, любопытные глаза устремились на обѣихъ.

Комната была просторная, совершенно бѣлая. Два высокихъ окна были завѣшены бѣлыми занавѣсами; приятный полумракъ царилъ въ комнатѣ. Вдоль стѣнъ—кровать возлѣ кровати, всего четырнадцать; надъ кроватями святыя образа, Распятіе; между окнами портретъ солиднаго плѣшиваго господина съ краснымъ воротникомъ и золотымъ крестомъ на золотой цѣпочкѣ. Подъ портретомъ изображеніе Рождества Христова, искусно склеенное изъ дерева и бумаги,—все такъ красиво и вѣрно; хлѣвъ святое семейство, пастухи, три святыя волхва, вокругъ зеленый пейзажъ, а тамъ сзади городъ Виолеемъ.

Подошла къ нимъ сестра Цецилія, съ молодымъ, цвѣтущимъ и веселымъ лицомъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Мальчи.

Она взяла Мальчи на руки и поднесла къ пустой кровати, около окна.

— Ну, Мальчи, вотъ твоя кровать, твое жилище.

Мать заплакала. Она была уже у дверей, но вернулась назадъ, опустилась у низкой постели на колѣни и зарыдала. Глаза Мальчи были тоже влажны, но лицо ея было спокойно; она даже не взглянула на мать.

Тѣло болѣло отъ длиннаго пути; чувствовала, что от-

крывается рана на ногѣ, жажда ее мучила но она не рѣшалась попросить воды. Неловко ей было, что мать плачетъ, ее стѣсняло, что всѣ глядѣли на нее, и у нея самой стали подступать слезы къ глазамъ, хотя не знала, почему, и хотя ей не хотѣлась плакать.

Мать встала и поцѣловала ее въ лицо. Мальчи защекотало на щекахъ отъ материнскихъ слезъ; она вздрогнула и подняла руку, чтобы дотронуться до лица матери, которое было горячее и мокрое. Мальчи видѣла теперь это лицо совсѣмъ въ близи, и ей казалось, что она его никогда прежде не видала: широкое было оно и красное, и искаженное отъ плача; глаза такіе испуганные, большіе и мутные отъ слезъ, а губы дрожали.

Сестра Цецилія проводила мать до дверей.

— Никогда не выйдеть отсюда, никогда,—сказала мать и взглянула на сестру Цецилію странными, какъ у ребенка, умоляющими глазами.

— Какъ Божья воля,—отвѣтила спокойно сестра Цецилія. Двери затворились, и шаги замерли въ корридорѣ...

Сестра вернулась, принесла кусокъ хлѣба съ масломъ и стаканъ вина, смѣшаннаго съ водой.

— Пей и ѣшь, потомъ переодѣнешься.

Мальчи выпила вино, потомъ сбросила всю одежду до самой рубашки и надѣла красную клѣтчатую блузу, сшитую изъ цѣльнаго куска, какъ у маленькихъ дѣтей, а поверхъ блузы синій полосатый передникъ съ поясомъ и помочами.

Мальчи сидѣла на постели и осматривала комнату. Лишь порою еще бросали на нее украдкой любопытные, насмѣшливые взгляды, но дѣти уже свыкались съ ней. Опять раздался смѣхъ, крикъ, щебечущіе, веселые голоса перебивали другъ друга.

Вдругъ широкое, румяное задорное лицо обернулось прямо къ Мальчи.

— Только не думай, что будешь получать вино, когда тебѣ захочется.

Мальчи испугалась. Та, которая заговорила съ ней такимъ рѣзкимъ голосомъ, сидѣла на низкомъ маленькомъ стулѣ, опираясь на ручки, какія бываютъ на дорогихъ креслахъ; раскачивала стулъ направо и налево сильно и быстро, и такимъ образомъ двигалась впередъ, не дотрагиваясь до пола больными ногами, обутыми въ тяжелыя туфли. Мальчи увидѣвъ, что она направилась къ ея постели, схватилась въ испугѣ обѣими руками за одѣяло и прислонила къ изголовью.

— Чего боишься? Подожди, носъ откушу!

Всѣ засмѣялись.

— Оставь ее, Луизка! прозвучаль гдѣ-то у дверей тонкій голосокъ, словно пропищала нѣжная куколка.

Съ постели возлѣ дверей спустилась худенькая, тощая фигурка съ маленькимъ личикомъ, черными мигающими глазами, съ немного вздернутымъ носикомъ и растрепанными волосами, которые закрывали весь лобъ.

— Ну, оставь ее, Луизка!

Она спустилась съ постели, и Мальчи подумала: вотъ сейчасъ упадетъ.

Только на одной ногѣ скользила она, другая нога, въ большой черной туфлѣ, вся скорченная, достигала здоровой ноги едва до голени. И нога не прыгала, но скользила безшумно, удивительно быстро, изгибаясь направо и налево; но тѣло было спокойно, слегка наклонено, словно движется ангелочекъ по комнатѣ.

Это была Розочка, третья Розочка, ибо было еще двѣ, эта прислуживала всѣмъ, приносила имъ въ постель кофе, супъ и заплетала неуклюжей Франочкѣ по утрамъ косы. Ея спокойное лицо вздрагивало только тогда, когда подруги ее дразнили: «Розочка, мать идетъ за тобой», она скрывалась въ уголъ и глядѣла изъ-за спинки кровати испуганными глазами...

Она подошла къ постели и облокотилась на подушку.

— Какъ твое имя?

— Мальчи.

Всѣ стихли. Сидѣли среди комнаты вокругъ низкаго стола, заваленнаго книгами, рисунками, пестрыми игрушками, вязаньемъ, чулками, остатками хлѣба, калача, апельсинъ и яблокъ.

Съ послѣдней постели, въ темноватомъ углу, раздался глухой, протяжный голосъ.

— Мальчи... Только одна Мальчи была до сихъ поръ у насъ. Три года, какъ умерла; вотъ здѣсь она лежала, возлѣ меня. Ночью умерла, кричала... а... Розочка, подай мнѣ воды, не могу достать рукой.

Курчавая голова немного приподнялась съ подушки. Лицо желтое, носъ острый, глаза горячіе, а волосы какъ уголь: рука, протянутая, была костлява и тонка какъ щепка. Омочивъ губы, опустила голову медленно на подушку и закрыла глаза.

Мальчи спрашивали, но она почти все время молчала. Сидѣла неподвижно и прямо, нахмутивъ брови и смотрѣл

пристально, свирѣпо, какъ человѣкъ, который смотритъ въ враговъ.

Смеркалось, только высоко, подъ самымъ потолкомъ сіяли еще красные лучи. Сестра Цецилія открыла двери.

— Ужинъ!

Всѣ сложили руки для молитвы. Раздался рѣзкій крикливый голосъ, а за нимъ послышались остальные голоса, шепчущіе, протяжные. Лица всѣхъ были сосредоточены, серьезны; Богъ знаетъ, куда глядѣли глаза ихъ, тихіе широко-открытые глаза. Вечерняя молитва скоро окончилась,—и безъ слѣда, словно мимолетная тѣнь, исчезло со всѣхъ лицъ серьезное спокойствіе; губы опять насмѣшливо улыбались, глаза глядѣли опять бойко и задорно.

Мальчи держала въ рукахъ чашку супа.

— Ну что, хорошій супъ?—спросила Луизка и засмѣялась красными толстыми губами, такъ что засверкали бѣлые зубы.

— Хорошъ,—отвѣтила Мальчи, похлебывая медленно, немного боязливо, точно у чужого стола.

Луизка отдала свою чашку Розочкѣ, и Розочка вылила супъ въ сосудъ, гдѣ находилась грязная вода отъ мытья.

— Эхъ, дитя ты глупое!—вздыхнула Луизка: если бы тебѣ дали помои, то и помои бы кушала.

Заговорила Тина, самая старшая изъ всѣхъ. Ей было четырнадцать лѣтъ. Крѣпкая была она, лицо здоровое и румяное, глаза глядѣли серьезно, какъ у взрослой Сильныя, мускулистыя руки опирались на стулъ, но двигалась она иначе чѣмъ Луизка: колыхалось вмѣстѣ со стуломъ все ея тѣло назадъ и впередъ. Поэтому она стучала гораздо больше, а впередъ подвигалась медленнѣе. Ея ноги были тонки, какъ у двухлѣтняго ребенка и всегда скрыты подъ платьемъ.

— Ъшь супъ, Мальчи! супъ хорошій, только Луизка злая... Ты даже супа имѣть не будешь,—увидишь.

Лицо Луизки стало сразу серьезнымъ; взглянула удивленно на Тину, сѣла къ окну и молчала, пока не зажгли лампу; ея губы были полуоткрыты, угрюмы и грустны.

Пришла сестра Цецилія и зажгла газовую лампу, которая спускалась съ потолка. Яркій бѣлый свѣтъ залилъ комнату.

Стали раздѣваться, собираясь спать. Стучали стульями, порою раздавался крикъ—той или другой при раздѣваніи не повезло, упала, слегка испугалась, затѣмъ стала смѣяться и всѣ смѣялись вмѣстѣ съ нею. Въ постеляхъ копо-

шились, говоръ медленно затихалъ, смѣялись уже сдержанно, рѣдко, наконецъ, только шептались еще между собой.

Сестра Цецилія стояла среди комнаты.

— Гдѣ же Тонечка?—Тонечка!...

Головы приподнялись съ постелей.

У окна, скрытая занавѣсью стояла Тонечка. Медленно и неловко отстранила занавѣсь, опустила голову, обѣ руки немного вытянула и подошла къ сестрѣ, спокойно улыбаясь. Красивые черные глаза блуждали безъ всякаго выраженія... Тонечка была слѣпа.

— Гдѣ ты была, Тонечка?

— У окна, сестра Цецилія!

Тонечка простаивала у окна цѣлыми часами, когда наступалъ вечеръ, и спокойно улыбаясь глядѣла большими тусклыми глазами. Ея лицо всегда вздрагивало, когда по нимъ скользиль солнечный лучъ.

— А что ты тамъ видѣла, Тонечка? —спросила Луизка.

Тонечка не отвѣтила, она раздѣвалась медленно, все еще улыбаясь, словно только что пережила что-то удивительное, людямъ непонятное.

— Развѣ ты не знаешь, что у насъ новенькая? Ее зовутъ Мальчи.

Странно... Будто невидимая рука повернула ея голову, Тонечка взглянула прямо на постель, гдѣ лежала Мальчи.

— Добрый вечеръ, Мальчи,—улыбнулась Тонечка. Мальчи едва оглянулась: глаза ея устали, и все тѣло устало; день казался ей безконечно длиннымъ, такимъ длиннымъ, какъ тогда, когда она ѣхала по желѣзной дорогѣ съ утра до вечера.

— Тише дѣти! Молитесь и усните! Святой Ангелъ Хранитель съ вами!

Сестра Цецилія потушила лампу. Всѣ умолкли. Порою лишь шептались еще тихонько, тихонько,—словно скользила легкая ладонь по шуршащему одѣялу.

Мальчи не спала. Холодно ей было въ новой постели, болѣла голова, и рана на ногѣ горѣла; порою было такъ больно, что хотѣлось закричать, застонать, но она не смѣла. Дрожа всѣмъ тѣломъ, укрылась одѣяломъ до ушей и сжала руки подъ рубашкой на груди.

Едва боль немного утихла, какъ ее стали мучить странныя, печальныя мысли. Все было спокойно; тихій свѣтъ лился сквозь высокія окна. Луны не было, но клочекъ неба, который блестѣлъ надъ черными крышами, былъ густо усѣянъ звѣздами.

Объими руками прижала она одѣяло къ себѣ; страшно ей было. Шевелились время отъ времени то здѣсь, то тамъ, то шуршала подушка, то раздавался вздохъ, то слышался тихій стонъ...

Мальчи была одна; заблудилась она точно ночью въ лѣсу. Даже если позвать мать, та не услышитъ; никто на свѣтѣ не услышитъ ея... Хотѣла молиться, но не могла припомнить ни одного слова. И тяжелое, мучительное рыданіе поднималось изъ груди, губы судорожно сжимались, глаза жгло... Вспомнила маленькаго брата, который лежитъ дома полураздѣтый, губы открыты, щеки горячія и потныя... Мать она вспомнила, которая сидитъ за столомъ передъ лампой и шьетъ; свѣтъ падаетъ на низко наклоненную голову, все лицо раскраснѣлось отъ лампы.

Жалко ей стало всѣхъ, даже канарейку она жалѣла, которая сидѣла тамъ въ клѣткѣ подъ самымъ потолкомъ и, спрятавъ голову въ перья, была похожа на красивый желтый мячикъ... Хотѣлось говорить. Оглянулась... Вокругъ тишина... бѣлыя стѣны вокругъ... высокія мрачныя окна... Богъ знаетъ что... угрюмый, темный лѣсъ...

Поцѣловала святой образокъ и закрыла глаза.

— Ангелъ Христовъ, Хранитель мой святой!..

Безпокойно металась Мальчи подъ одѣяломъ; по ея щекамъ текли слезы; она не могла преодолѣть ихъ, и рыданіе раздалось въ комнатѣ. Повернула голову и прижалась губами къ подушкѣ.

У окна зашевелилось. Тонечка поднялась въ постели и прислушалась, склонившись всѣмъ тѣломъ. Затѣмъ встала и пошла медленно по комнатѣ въ короткой бѣлой рубашкѣ; руки вытянуты впередъ, голова наклонена, глаза широко раскрыты. Подошла къ постели, нащупала рукой подушку, одѣяло, дотронулась до волосъ Мальчи.

— Мальчи, ты не спишь?

Мальчи оглянулась... Изъ окна падалъ свѣтъ на маленькое улыбающееся личико. Тонечка погладила ее по волосамъ, погладила по лбу, по мокрому лицу.

— Не плачь, Мальчи, не плачь!

Хотѣла она сказать ей что-нибудь красивое и радостное.

— Не плачь, Мальчи, завтра воскресеніе...

И Мальчи улынулась:—завтра воскресеніе...

Ей стало вдругъ тепло; пріятная истома охватила все тѣло, вѣки сомкнулись... И приснилось ей что-то прекрасное. Передъ ея глазами разстилался лугъ, до колѣнъ до-

стигала зеленая трава, вѣтерокъ колыхалъ красные и желтые цвѣты. Солнце сіяло; Мальчи бѣгала и играла большимъ красивымъ мячемъ, и легко, словно крылья, носили ее ноги.

## II.

Всѣ были одѣты по праздничному, хорошо причесаны, съ пестрыми лентами въ косахъ. Сидѣли вокругъ стола, только три или четыре лежали. Было уже около двухъ часовъ; ждали гостей.

Тонечка прислонилась къ окну и оглядѣла комнату; ея румяное лицо свѣтилось, какъ-будто на немъ остались солнечные лучи.

— Солнце свѣтитъ; ихъ будетъ немного.

— Какъ вы думаете, придетъ графиня или не придетъ? — спросила Луизка со злобной насмѣшкой, и всѣ захохотали.

— Мальчи, не забудь приготовить передникъ для подарковъ графини! Ты увидишь: ми-и-лое ди-тя-а-а!

Заскрипѣла дверь; всѣ оглянулись. Раньше всѣхъ, ровно въ два часа, пришла бѣдная, плохо одѣтая женщина. Она едва взглянула на другихъ и кивнула головой. — Подошла къ постели, гдѣ лежала больная Катенька, склонилась головой почти къ ея губамъ, и обѣ шептались, шептались, пока не стемнѣло; никто не зналъ, о чемъ онѣ говорили, никто не обращалъ на нихъ вниманія. Она принесла Катенькѣ что-то завернутое въ бумагу, но какъ ни присматривалась Луизка, она не замѣтила, чтобы Катенька ѣла. У матери были красные глаза, когда она уходила. Катенька повернулась къ стѣнѣ и молчала.

Некрасиво было ея лицо: большой носъ, приплюснутый, какъ у негритянки, губы толстыя, глаза маленькіе, растрепанные волосы пепельнаго цвѣта. Съ виду ей было тринадцать лѣтъ, не больше, а табличка надъ кроватью показывала, что ее принесли въ пріютъ уже шесть лѣтъ тому назадъ. Все ея тѣло было въ ранахъ, и онѣ постоянно гноились.

Тина, которой было четырнадцать лѣтъ, сидѣла одна въ углу между двумя кроватями; лицо ея горѣло, глаза глядѣли задумчиво.

Луизка посмотрѣла на нее и прищурилась.

— Эдуардъ! — закричала она мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ.

Тина вздрогнула, оперлась локтями на ручки кресла и немного приподнялась; густой румянецъ разлился по всему лицу, и глаза сдѣлались влажными. Стиснула зубы, порывисто наклонила стулъ, заколыхалась всѣмъ тѣломъ, и съ шумомъ направилась къ столу. Луизка разсмѣялась громкимъ, странно-хриплымъ смѣхомъ и, ловко поворачивая стулъ направо и налево, побѣжала. У стола Тина остановилась, провела рукой по волосамъ, которые спадали на лобъ, и улыбнулась. Луизка была уже у окна и глядѣла Тинѣ прямо въ глаза...

Заскрипѣли двери, вошли три элегантно одѣтыя дамы; въ рукѣ у каждой маленькій бумажный свертокъ.

— Да славится имя Господне!—раздался пѣвучій хоръ отъ стола, отъ оконъ, съ постелей.

Первая дама была пожилая, худощавая, съ большимъ краснымъ носомъ, въ огромной черной шляпѣ на головѣ. И другія двѣ были худощавы и красноносы, но моложе первой, вѣроятно, ея дочери... Медленно снимала первая дама перчатки и, стоя еще у дверей, оглядывала комнату съ очень любезной, слащавой улыбкой.

— Какъ поживаете, дѣти?—спросила она, и ея тонкій, гнусавый голосъ разлился по комнатѣ, какъ медъ.

Луизка поклонилась и отвѣтила очень скромнымъ и вѣжливымъ голосомъ: «Слава Богу, намъ хорошо, милостивая госпожа графиня»,—Розочка отвернулась, подмигивая, въ сторону, и все ея лицо было напряжено отъ сдерживаемаго смѣха. Но Луизка была серьезна и лицо ея осталось спокойнымъ.

Важно развертывала дама свертокъ и оглядывалась лукавымъ взоромъ.

— Вотъ, дѣтки, что я вамъ принесла.

Есѣ смотрѣли и ждали, не говоря ни слова. Изъ свертка показались апельсины; четыре ихъ было.

— Дай мнѣ ножикъ, Эдитъ!

Младшая красноносая дама развязала сумочку и вынула изъ нея красивый бѣлый ножикъ. Старшая дама подошла къ столу и стала очищать и рѣзать апельсины съ жеманными жестами. Аппетитно шевелила она тонкими, розовыми пальчиками и смотрѣла изъ-подъ черной шляпы на кровати. Двѣ младшія дамы стояли около нея справа и слѣва.

Затѣмъ стали всѣ три ходить вокругъ стола и крова-

тей и дѣлили куски, изъ которыхъ сочилась сладкая жидкость.

— Богъ вознаградитъ!—прозвучало равномерно и протяжно. Дама смотрѣла на ихъ лица, вытирала платкомъ тонкіе пальцы; сладостное настроеніе разливалось въ ея доброй душѣ.

Послѣ этого она стала среди комнаты, улыбнулась, подняла руку.

— Второй номеръ!—и прибавила тише, весело: «Открой коробочку, Эдитъ!»

Младшая красноносая дама открыла бумажную коробку, и показались длинные, тонкіе бисквиты; четыре ихъ было.

— Дай мнѣ ножикъ, Эдитъ!

Разрѣзала бисквиты на совершенно равные кусочки, и всѣ три ходили опять отъ постели къ постели и дѣлили. Дама раскраснѣлась отъ удовольствія, и словно медъ сочился изъ ея тонкихъ губъ.

— Номеръ третій!

И тише, весело: «Открой коробочку, Маргитъ!»

Третья, самая младшая дама, открыла коробку: показались пестрыя картинки; ровно четырнадцать ихъ было. Веселая, улыбающаяся мать держала на рукахъ полнаго ребенка въ одной рубашкѣ и кормила маленькой ложечкой. А подъ картинкой было написано: «Пейте катрайнеровый \*) кофе!» Онѣ ходили и дарили веселыя картинки, каждой по одной. Дама останавливалась около кроватей, около стола и гладила маленькія стыдливыя личики.

— Какъ поживаешь, милое дитя?

Пришла къ постели, гдѣ лежала Мальчи.

— Ахъ! вѣдь я тебя еще не видѣла! Какъ твое имя, милое дитя?

— Мальчи.

— О, Мальчи!—дай ей, дай картинку, Маргитъ! — Ну, Мальчи, молишься ли ты за своихъ благодѣтелей?

Мальчи опустила глаза и молчала. Изъ-подъ рѣсницъ она видѣла Луизку, которая только-что скорчила гримасу за спиной графини; и Мальчи понравилось, что Луизка скорчила гримасу.

У дверей стояла сестра Цецилія; руки скрещены на груди, голова слегка наклонена, тихая улыбка на губахъ. Улыбка сестры Цециліи тоже понравилась Мальчи.

— Подумай, милое дитя, говорила дама: подумай, что

---

\*) Наибольше рекламируемый кофе въ Австріи. Прим. переводч.

эти земныя страданія не будутъ продолжаться долго. Скоро, скоро позоветъ тебя къ себѣ Господь Богъ и избавить отъ всего дурного.

Отворились двери настежь; дама оглянулась, сестра Цецилія отошла... Сразу измѣнилось лицо красноносой графини: строгимъ и сердитымъ стало оно, тонкія губы поднялись къ носу. Твердыми шагами прошла она комнату, твердыми шагами ступали за нею ея спутницы... Передъ дверьми поклонилась сестра Цецилія; руки скрещенныя на груди, тихая улыбка на губахъ.

— Богъ вознаградить! Да славится имя Господне!—запѣло четырнадцать голосовъ.

Вошла высокая, полная женщина, очень богато одѣтая; лицо широкое и мягкое, словно изъ тѣста. Увидѣвъ красноносую черную даму, она усмѣхнулась злобно, подбородокъ ея вздрогнулъ и дрожалъ все время, пока шагала мимо нея красноносая троица. Глубокій поклонъ, злобный взглядъ, двери закрылись.

Большой свертокъ принесла полная дама съ собою, Она сѣла, сейчасъ же положила свертокъ на колѣни и стала вытирать платкомъ потный натертый шляпой лобъ.

— Ну, что получили?

Всѣ громко расхохотались.

— Картинки и апельсинныя корки.

Лицо дамы просіяло, будто ей сказали что-то очень пріятное.

— Вотъ скупость, графская скупость... Луизка, почему ты ей не дала куска хлѣба?—Нате, дѣтки!

Она развязала свертокъ, и на столѣ показалась огромная груда калачей, яблокъ, апельсинъ, конфектъ.

— Сестра Цецилія, дѣлите!

Сестра Цецилія опустила передъ столомъ на колѣни и стала дѣлить. Надъ любопытными, веселыми, бѣлокуроыми головками блестѣли широкія крылья ея головного убора.

Дама сидѣла на стулѣ, высокая полная, крѣпкая. Въ глубокихъ впадинахъ шмыгали маленькіе живые глазки, искали жадно, почти умоляюще взгляда сестры Цециліи. Лицо ея сморщилось, подбородокъ дрожалъ, вздрагивала вся ея толстая фигура.

— Ишь, какія онѣ... приходятъ къ бѣдняжкамъ, какъ святой Николай... Мнѣ должна за мясо еще съ прошлаго года... Тогда у насъ была еще старая лавка, и тогда...

Сестра Цецилія тихо улыбнулась, поклонилась и пошла къ дверямъ. Дама сидѣла на стулѣ и улыбаясь оглядывала

комнату. Но никто не глядѣлъ на нее; дѣти ѣли и смѣялись.

Приходило все больше людей. Матери стояли около кроватей съ печальными, жалобными лицами.

Мальчи лежала, къ ея изголовью склонилась мать; она принесла калачей и жаренаго мяса. Мальчи не отвѣчала на вопросы матери; она была разсѣяна, ея глаза безпокойно блуждали.

Тихо сидѣла Тина, лицо горящее, глаза устремлены на дверь. Вдругъ вздрогнула, наклонила головку и повернула глаза свои въ другую сторону. Вошли три женщины и съ ними молодой человѣкъ. Они прошли черезъ всю комнату, къ окну, гдѣ сидѣла возлѣ кровати Павла; та привѣтствовала ихъ уже издали веселымъ взглядомъ.

Павла была единственная еврейка въ комнатѣ; жила она одиноко и ни съ кѣмъ не говорила. Съ трудомъ двигалась она вмѣстѣ со стуломъ и на пути къ столу всегда задыхалась и потѣла. Глаза ея были необыкновенно ясны выразительны, какъ у взрослыхъ, но лицо не было красиво; сильно вздутыя губы были всѣ въ трещинахъ.— Подала руку матери, сестрамъ и брату; говорили они между собою тихо, холодно и принужденно, словно на визитѣ у чужихъ людей...

Ея братъ Эдуардъ былъ молодой франтъ; лицо у него было совсѣмъ женское, мягкое, нѣжное, безъ усовъ; изъ-подъ черныхъ, кудрявыхъ волосъ блестѣлъ лобъ, точно изъ мрамора, большіе глаза глядѣли спокойно и разсѣянно по комнатѣ; шляпу держалъ онъ обѣими руками за спиной; изъ сюртука торчали новыя желтыя перчатки.

Подошелъ къ Тинѣ и слегка усмѣхнулся.

— Какъ поживаешь, Тина?

Его спокойный взглядъ упалъ на ея волосы, на лицо, скользнулъ по полурасцвѣтшей груди, на тѣло, на руки, тонкія мертвыя ноги, скорченные подъ платьемъ. Тина трепетала, дышала тяжело. Онъ медленно отвернулся и подошелъ къ сестрамъ.

— Эдуардъ!—закричала Луизка у окна. Ея щеки были толсты и красны, губы широко смѣялись, глаза глядѣли насмѣшливо.

— Эдуардъ!

Засмѣялся и онъ и направился къ Луизкѣ. Когда онъ погладилъ ея густые свѣтлые волосы, она нагнулась и посмотрѣла изъ-подъ его бѣлой узкой руки на Тину, кото-

рая сидѣла вся сгорбленная, опершись сильными рабочими руками о стулъ; глаза ея горѣли...

Павла скучала. Она ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ и мать, и сестеръ, и брата, но едва они появились въ дверяхъ, уже желала, чтобы они ушли... А на дворѣ былъ прекрасный осенній день, небо сіяло надъ красивымъ пейзажемъ за городомъ, сіяло надъ золотыми осенними деревьями. Стояли у ея кровати по праздничному одѣтыя, на лицахъ вуали, на рукахъ перчатки и глядѣли сквозь окно,—тамъ на дворѣ блестѣлъ прекрасный осенній день... Павла взглянула на лицо матери, сестеръ и брата, и ея душа засмѣялась отъ тихой злобы.

— Оставайтесь еще., оставайтесь до шести.

По комнатѣ плавала Розочка, тонкая, тихая, какъ привидѣніе.

— Розочка,—мать!—закричала Луизка. Розочка поблѣднѣла и схватилась за постель обѣими руками. Но губы, все еще испуганныя, весело засмѣ...

Вошелъ пожилой блѣдно-одѣтый мужчина, худой и слабый. Руки у него были большія, неуклюжія, черныя отъ работы, лицо такое блѣдное, болѣзненное, глаза красныя, вѣки голыя.

Розочка высоко подняла руки и обхватила его, точно хотѣла добраться до его лица. Онъ погладилъ ее по щекамъ; и маленькое личико почти скрылось въ огромной черной рукѣ.

По его сухимъ изъѣденнымъ щекамъ скользнулъ лучъ; странно это было,—словно улыбнулся сѣрый камень.

— Какъ поживаешь, Розочка?

— Хорошо, отецъ.

— Красиво здѣсь, Розочка... пріятно здѣсь... Оглянулся вокругъ мутнымъ, жаднымъ взглядомъ, какъ больной по зеленымъ лугамъ.

— Я тебѣ что-то принесъ, Розочка

Вынулъ изъ кармана яблоко, держалъ его высоко, такъ что Розочка не могла достать, и смѣялся какъ ребенокъ.

— Ну дайте, папочка, дайте!—просила Розочка на половину плачущимъ голосомъ, но сердце ея смѣялось сладкимъ смѣхомъ, потому что смѣялся отецъ. Онъ былъ такой блѣдный, и маленькій, и усталый, что хотѣлось уложить его въ теплую постель и перекрестить, какъ это дѣлаетъ мать съ ребенкомъ.

Пустѣла комната... Завѣсили окна и зажгли огонь.

— Шесть!—произнесла сестра Цецилія въ дверяхъ.

Больная Катенька, которая лежала на постели около лверей, вздрогнула и подняла медленно лѣвую руку къ матери, чтобы дотронуться до ея груди, до ея лица. Правая лежала мертво и неподвижно на тѣлѣ.

— Потерпите, мама... Богъ все измѣнитъ.

Выраженіе ея глазъ было спокойно и разумно; тонкіе, костлявые пальцы лѣвой руки корчились; она взяла платокъ, лежавшій на краю постели и вытерла матери мокрыя щеки. Робко и удивленно посмотрѣла на нее мать; онѣ ничего не говорили о страшномъ домѣ, но Катенька только посмотрѣла, и заглянула въ самую глубь сердца.

— Мать склонилась, и ея губы дотронулись до костлявыхъ пальчиковъ, протянувшихся къ ея лицу, дотронулись до жалкой правой руки, которая лежала мертво и неподвижно на тѣлѣ.

— Шесть!

Затворились двери за жизнью, и казалось, что распахнули окна настѣжъ въ комнату заглянулъ новый, не оскверненный свѣтъ. Казалось, будто дохнулъ весенній воздухъ сквозь открытыя окна, чтобы прогнать удушливое дыханіе жизни. Стѣны стали опять невинно бѣлыми, опять распростерла надъ улыбающейся семьей нѣжная, привѣтливая смерть свои благословляющія руки.

Осмѣяна была маскарадная, пестрая жизнь, бѣжала она вся посрамленная, и разодранный, разукрашенный плащъ ея развѣвался за нею, какъ за скучнымъ клоуномъ, котораго преслѣдуетъ недовольная, циничная публика гнилыми яблоками... Бѣжала она, словно неуклюжая и гадкая летучая мышь на зарѣ, и широкое дѣтское лицо солнца весело смѣялось...

Тишина воцарилась въ комнатѣ. Усталыми чувствовали себя всѣ, наполовину усталыми, наполовину взволнованными. Медленно гасли глаза, угасаль румянецъ на щекахъ.

Луизка заковыляла къ дверямъ. Ея лицо было серьезно, но пухлыя ярко красныя губы были искажены дерзкой, насмѣшливой улыбкой.

Добралась съ трудомъ до дверей, открыла ихъ и плюнула въ корридоръ.

— До свиданія, госпожа графиня! Да славится имя Господне!

Сестра Цецилія сдвинула брови.

— Луизка, завтра пойдешь въ карцеръ!

Луизка покорно оглянулась.

— Какъ будетъ воля Божья.

Тихо разговаривая, ложились спать. Тина забила въ уголъ и, закрывъ лицо ладонями, оперлась локтями на постель.

— Спать, Тина!

Поднялись тусклые, покраснѣвшіе глаза; лицо стало блѣднѣе, красныя пятна горѣли на немъ.

— Ну, Тина?

Сестра Цецилія поглядѣла на нее серьезно, удивленно, странно вздрогнули ея губы... Мелькнуло, можетъ быть; воспоминаніе, пронесся, быть можетъ, давно минувшій сонъ мимо ея вѣкъ.

— Сейчасъ, сестра Цецилія.

Раздался голосъ, словно отъ холодной стѣны, глубокой, усталый, чужой, раздался, словно издалека, Богъ знаетъ, откуда..

Тишина... Дремотный бѣлый свѣтъ грезить на занавѣсахъ, на стѣнахъ. На постеляхъ всѣ дышать спокойно и равномерно. Снаружи глухо затрещало; закрыли ворота. Издалека доносился смутный, неясный гулъ города, живущаго тамъ, гдѣ-то далеко, далеко, по ту сторону жизни...

Тишина... Ангелъ ходитъ отъ постели къ постели; вѣки смыкаются, на губахъ застываетъ улыбка... Бѣлый ангелъ ходитъ отъ постели къ постели, беретъ за руки жалкія юныя души, и вотъ—всѣ онѣ поднимаются и идутъ весело солнечной жизни на встрѣчу... Разсвѣтаетъ, тѣни блѣднѣютъ; и открывается картина, такая чудная, какой еще не видало око.

Огромное яркое солнце и зеленые луга подъ солнцемъ... Свѣтлая бѣлая одежды, розы въ рукахъ и волосахъ, бѣлая, алая, голубыя розы... Свѣтлая улыбка на щекахъ, въ глазахъ... И торжественный, праздничный смѣхъ надъ всей чудесной страной, по ту сторону жизни...

Мальчи внезапно проснулась и устремила глаза въ полумракъ. Съ постели въ углу раздался стонъ. Въ комнатѣ сіялъ дремотный свѣтъ осенней ночи...

Тина поднялась и сѣла на постели. Голова склонилась, ладонями закрыла лицо, все тѣло вздрагивало... Она плакала. затаенно, тихо...

Мальчи устремила глаза въ темноту, но вѣки опять опустились, затуманилось, что-то заколыхалось и опять поднялся занавѣсъ надъ прекрасной картиной...

Утромъ вошла сестра Цецилія, поставила передъ постелью Тины полотняныя ширмы, перестлала наново ея постель, и Тина переодѣлась. На лицѣ сестры лежала ти-

хая тѣнь, словно далекое воспоминаніе. Уста ея были такія кроткія, серьезныя, материнскія... Тина была блѣдна: ея глаза глядѣли робко и мутно, какъ глаза человѣка, который увидѣлъ что-то невѣдомое, таинственное...

Сидѣла устало около кровати и молчала.

### III.

Быль день поминовенія всѣхъ усопшихъ. Встали рано, чтобы приготовить къ заупокойной мессѣ. Темно было еще, и зажгли лампу.—Скоро раздалась въ корридорѣ шаги.

Только четыре остались въ постели, всѣ остальные пошли къ мессѣ. Длинная процессія двигалась по корридору; впереди шла сестра Цецилія и несла на рукахъ Мальчи; за ней слѣдовала Павла, еврейка, опираясь только на одну ногу и раскачивая стулъ обѣими руками, вся потная и усталая; сзади нея подпрыгивала на одной ногѣ Розочка; полъ былъ неровный, поэтому она не могла скользить. Луизка и Тина передвигались безъ помощи, ковыляя, стуча; Луизка веселая, раскраснѣвшаяся и бодрая, Тина очень серьезная и задумчивая.

Еще пятеро было сзади: двѣ качались на стульяхъ, двѣ шли, самая послѣдняя была горбатая Бригитта, очень маленькая и полная; лицо желтое, кожа вся сморщенная и вялая, какъ у стараго карлика. Всѣ были закутаны въ тяжелые, сѣрые платки, ноги обуты въ просторныя суконныя, подшитыя кожей туфли; въ рукахъ четки съ крупными костяшками и мѣдными крестами; четки у Бригитты почти до пола.

Странно раздавалось все это по корридору, шумъ стульевъ, напряженное дыханіе, глухіе шаги... Все въ полумракѣ; только далеко, тамъ въ самомъ концѣ корридора, горитъ лампа. Со стѣнъ изъ темноты пристально смотрятъ лики святыхъ, чернѣетъ кровь на бѣлыхъ голыхъ тѣлахъ, и злобно глядятъ лица палачей..

Послышался звонокъ изъ часовни. Сестра Цецилія обернулась;

— Скорѣе, дѣти, скорѣе!

Костяшки на четкахъ побрякивали, стулья стучали. Корридоръ былъ длинный, Луизка дышала уже тяжело и громко; щеки ея пылали.

Засвѣтились стеклянныя двери, процессія остановилась. Сестра Цецилія открыла двери и вошла на длинные темныя

хоры. Никакого освѣщенія не было, глаза съ трудомъ могли различать образа на стѣнахъ. Передъ каменными перилами были низкія скамейки для колѣнопреклоненія; перила были такъ низки, что Мальчи видѣла со своего стула почти всю часовню и весь большой алтарь, на которомъ дремотно горѣли четыре восковыхъ свѣчи.—Среди часовни стоялъ на высококомъ катафалкѣ гробъ, покрытый до пола чернымъ бархатомъ, на гробу сіялъ бѣлый крестъ, надъ крестомъ была мертвая голова. Возлѣ катафалка горѣли свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, — съ каждой стороны по три.

Съ потолка спускалась люстра, но она была покрыта чернымъ полотномъ. Свѣчи мерцали, трепетали сонно... Мрачно было... Надъ потолкомъ, по всѣмъ угламъ часовни, по боковымъ алтарямъ, по хорамъ скользили тѣни, вздрагивали и прятались при каждомъ трепетѣ пламени, возвращались опять, подходили совсѣмъ близко, протягиваясь черезъ всю часовню... какой-то странной, таинственной жизнью жило все вокругъ... Молча, что-то дрожало, страдало, можетъ быть, Богъ знаетъ... Жили эти длинные, блѣдные колыхающіеся огоньки, жили эти тѣни на алтарѣ, на потолкѣ и на священныхъ картинахъ... Можетъ быть, потерялись тѣни людей, убѣжали, и теперь живутъ своей беззвучной, безконечной жизнью, въ вѣчномъ трепетѣ и молчаніи... И святые образа живутъ; ярко, таинственно бѣлѣютъ изъ темноты; на ихъ лицахъ страданіе, на щекахъ еще не высохли слезы...

Зазвонили. Пришли священники въ длинныхъ бѣлыхъ одѣянιάхъ, съ черными воротниками; ихъ руки сложены для молитвы, головы низко опущены. Остановились среди часовни у высокаго катафалка и пѣли протяжныя, жалобныя непонятныя пѣсни,—словно стоны, словно болѣзненные вздохи отдавались ихъ звуки отъ стѣнъ.

Непонятный ужасъ охватилъ Мальчи. Она находилась въ мірѣ, полномъ святыхъ тайнъ. Ея глаза были удивительно оживлены, казались безтѣлесными и замѣчали то, что было безтѣлесно и жило вокругъ нея невѣдомой жизнью; и слышала она голоса, которые доходили изъ невѣдомыхъ странъ, такіе жалобные и рыдающіе.

Она дрожала. Болѣла голова. Нагнулась и прижала лобъ къ холодной стѣнѣ. Сестра Цецилія подошла къ ней, погладила теплой рукой ея холодныя щеки, и Мальчи очнулась... Свѣтлѣе стало на хорахъ и внизу въ часовнѣ. Священники отошли отъ чернаго катафалка и пѣли вели-

чественныя, радостныя, и торжественныя пѣсни передъ алтаремъ.

Усталыя вернулись онѣ къ себѣ въ комнату. Однѣ легли, другія остались уныло сидѣть на стульяхъ. Угрюмый день былъ на дворѣ. Небо было грязное и непріязненное; въ комнатѣ стало почти совсѣмъ темно. На высокому столікѣ передъ яслями мерцалъ огонекъ лампадки, замиралъ, замиралъ, но не могъ замереть... Смерть была въ комнатѣ, всѣ чувствовали ее, но ничего противнаго и ужаснаго въ ней не было. Всѣ знали ее, какъ Анастасію, сестру-наставницу, которая приходитъ иногда въ комнату и молча оглядываетъ постели съ серьезнымъ и спокойнымъ лицомъ. И когда затворяются двери за сестрой-наставницей, всѣ еще смотрятъ ей вслѣдъ, какъ очарованныя. Ничуть не боятся ея, но не смѣютъ произнести ни единого празднаго слова, пока она въ комнатѣ.

Приподнялось на постели худое, желтое лицо Минки. Черные волосы спадали ей на лобъ, темные глаза горѣли.— Минка лежала тамъ уже много лѣтъ. Написано было надъ постелью, когда ее привезли, но она сама уже этого не помнила. Она была такъ худа, что кости просвѣчивали черезъ тонкую кожу, а пальцы ея были похожи на когти мертвой птицы.

— Дѣти, подумайте только, что случилось три года тому назадъ... или, можетъ быть, четыре года. У насъ была тогда еще Ольга; лежала она на той сторонѣ, возлѣ меня и всего лишь двѣ недѣли была у насъ. Она была очень больна и все молилась... и худа была Ольга, еще болѣе худа, чѣмъ я, а ей было, можетъ быть, уже четырнадцать лѣтъ... И однажды ей явилась Матерь Божія...

Всѣ смотрѣли на Минку большими свѣтлыми глазами и слушали. Минка закашлялась Розочка принесла ей стаканъ воды.

— Какая была Матерь Божія?—спросила Павла, еврейка.

— Точно такая же, какъ въ часовнѣ: въ длинномъ голубомъ плащѣ съ золотой каймой и золотыми звѣздочками. Ея руки были тоже свѣтлыя, и лучи лились отъ нихъ. И вокругъ нея былъ свѣтъ, какъ отъ солнца...

— А гдѣ она видѣла ее?

— Здѣсь въ комнатѣ, противъ постели, немного выше постели... На другой день пошли мы всѣ къ обѣднѣ, и свѣчи горѣли передъ Божіей Матерью въ часовнѣ... И подумайте, ночью просыпаюсь, и какъ-будто что-то бѣлое исчезло за дверью. И все блестяло передо мною, блестяло... я про-

тираю глаза, и вижу, что двери открыты. Потомъ мнѣ показалось, что кто-то стоялъ возлѣ моей постели... и положилъ мнѣ руку на глаза, и я уснула... А на завтра, подумайте дѣти, Ольги не было въ кровати. Еще было темно, вошла сестра и разбудила насъ всѣхъ. Мы зажгли лампы и стали искать... Нигдѣ не было Ольги. Искали, искали по всему корридору, наконецъ, пошли въ часовню... а въ часовнѣ лежала Ольга и была мертва.

Минка умолкла. Всѣ молчали. Слышно было даже трепетаніе замирающаго огонька передъ яслями.

— А я знала одного, кто не вѣрилъ въ Матерь Божію,— сказала горбатая Бригитта, и всѣ задрожали, словно услышали что-то страшное, непонятное.

— Изъ Америки пріѣхалъ онъ и не вѣрилъ въ Матерь Божію. Однажды онъ лежалъ на постели, потому что былъ боленъ. Женщины молились, дѣти плакали, а священника не было... Онъ скривилъ лицо, взмахнулъ рукой и упалъ съ кровати. Всѣ закричали и побѣжали вонъ, но я не могла бѣжать,—держало меня что-то за ноги. И тогда, представьте себѣ, подымается снаружи, передъ окномъ что-то огромное такое и черное; постояло передъ окномъ и исчезло. А онъ на полу былъ мертвъ.

Что-то тяжелое легло всѣмъ на сердце, точно стояло и передъ ихъ окномъ тоже что-то огромное и черное. Робко и съ упрекомъ взглянула Тина на горбатую Бригитту, которая сидѣла около постели, похожая на желтаго злобнаго карлика.

— Въ прошломъ году умерла Аннушка, стала рассказывать Тина: это была третья Аннушка, и всѣ три умерли. Она была похожа на тебя, Мальчи, но была еще меньше. Такое худенькое лицо и совсѣмъ бѣлое, какъ у ангела. Никогда не плакала, только смотрѣла и смѣялась, и умерла совсѣмъ тихо. Кромѣ меня никто не зналъ, что она умерла. Это было вечеромъ, мы всѣ уже улеглись, и сестра Цицилія потушила лампу. Аннушка лежала у окна на твоей кровати, Мальчи, и не шевелилась. Голову повернула она къ окну, и я видѣла, что ея глаза открыты и совсѣмъ бѣлы. Я не могла уснуть, и вдругъ, мнѣ показалось, какъ будто она меня зоветъ, но она не звала. Глаза мои закрылись, но все же я видѣла такъ ясно... Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, совсѣмъ какъ утромъ, когда разсвѣтаетъ... И поднялось съ постели, гдѣ лежала Аннушка, что-то красивое и блестящее, какъ червонецъ, и поплыло сквозь окно все выше и выше, вверхъ къ самымъ небесамъ. Это была

ея душа... Я задрожала и позвала сестру Цецилію. Все стало опять темно въ комнатѣ, а Аннушка была мертва.

Тонечка сидѣла недалеко отъ окна, прислонившись къ кровати. Грустна была она, потому что не свѣтило солнце. Дотронулась до оконнаго стекла, но стекло было такъ холодно, что она вздрогнула: догадывалась, что на дворѣ гадкое, мокрое небо.

Ея большіе слѣпые глаза оглядѣли всю комнату.

— Въ прошломъ году умерла Агнесочка. Дождь шель и холодно было, когда мы ѣхали на похороны. Помнишь, Тина, какъ стучалъ тогда дождь въ окошко кареты, точно барабанилъ кто-то пальцами? Впереди на дрогахъ былъ гробъ и всю дорогу скрипѣлъ и колыхался... А когда колеса наѣзжали на большой камень, и дроги качались, что-то стонало въ гробу. Агнесочка стонала, потому что ей мѣшали спать. Мнѣ было такъ страшно, я Агнесочку такъ жалѣла, а Тина ничего не слышала... Стонало всю дорогу, и плакало тихонько, тихонько, Боже милосердный... Ее похоронили... И рыдало въ гробу, когда падала тяжелая земля въ яму. Когда мы возвращались, все еще накрапывало и стучало въ окошко. Я прислушивалась, и подумайте: снаружи, передъ окошкомъ стонало, и стучало, и просилось всю дорогу. Маленькая душа Агнесочки была съ нами, блуждала въ дождь и холодъ и не могла попасть на небо. Мы дома потомъ въ часовнѣ помолились, тогда ея душа полетѣла на небо, и утромъ сіяло солнце...

Лампадка передъ яслями потухла. Розочка долила масла, огонекъ снова вспыхнулъ.

Минка смотрѣла въ потолокъ и считала по пальцамъ.

— Сколько ихъ уже умерло?.. Двѣнадцать ихъ было... Самая послѣдняя была Роза, которая постоянно смѣялась. Шесть недѣль, не больше, какъ она умерла. Лежала на твоей постели, Мальчи. А теперь, послушай, Мальчи. Смѣялась она всегда и не могла уснуть вечеромъ; когда мы уже спали, она все еще говорила и смѣялась. Ея смѣхъ былъ словно звонъ маленькаго колокольчика. И такая больная и худая была она, едва можно было ее замѣтить въ постели, только глаза были большіе, больше всего лица. И все смѣялась.—Сегодня ночью, Минка, говоритъ она, я умру и приду тебѣ сказать. И засмѣялась.—Какъ придешь?—спросила я, потому что она не могла двинуть ногами; ноги ея были совсѣмъ искривлены, и на тѣлѣ были однѣ раны. Но стало темно и мы уснули. Вдругъ, я просыпаюсь въ испугѣ. Засмѣялось что-то звонко, звонко,

точно колокольчикъ, и прокричало два раза: «Минка, Минка!» Я подумала, что еще не поздно, и что меня зоветь Розочка, которая не могла спать. Но, знаете, уже разсвѣтало. Я оглянунулась съ постели и удивилась. Совсѣмъ у моей кровати замѣтила я Розу въ одной рубашкѣ; она стояла на колѣняхъ, обхвативъ голову руками. Какъ она добралась до моей постели? Мы думали, что она отъ усталости такъ уснула. Но она была мертва...

Быстро темнѣло, Мрачное небо спускалось все ниже и ниже; словно тусклый занавѣсъ, висѣло оно тамъ, передъ окномъ, и сосѣдніе дома терялись въ сѣрой ночи.

— Кто будетъ теперь первая изъ насъ?—спросила Луизка съ спокойной улыбкой.

— Катенька будетъ первая—отвѣтила Розочка серьезно. Катенька едва оглянулась, и легкая улыбка скользнула по ея некрасивому больному лицу.

— Я буду первая!—сказала Минка.—Я видѣла, какъ умерли двѣнадцать, тринадцатой буду я сама.

Павла промолвила глубокимъ, умнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, такъ нельзя! Погадаемъ!—Розочка, дай мнѣ бумаги!

Она нарѣзала тринадцать кусковъ бумаги, четырнадцатый былъ длиннѣе.

Которая вытянетъ подлиннѣе, будетъ первой.

Розочка взяла куски, потянула прежде всѣхъ сама и вытянула короткій; потомъ она обошла вокругъ стола и около постелей. Всѣ смотрѣли съ веселымъ любопытствомъ и смѣялись, только Розочка была серьезна и слѣдила за тѣмъ, чтобы ни одна не подсмотрѣла и такимъ образомъ не перехитрила ее. Прижимая руки къ груди, нагибалась къ постелямъ и смотрѣла пристально въ глаза и на руку.

— Тяни!

Подошла къ Катенькѣ. Катенька вытянула короткій кусокъ и бросила на полъ.

Когда она подошла къ Минкѣ, та смотрѣла въ потолокъ и улыбалась. Быстро протянула руку и вытянула, также быстро.

— Длинный!—крикнули всѣ.

— Длинный!—Минка будетъ первой.

— Развѣ я не говорила?—припомнила Минка спокойно, вѣдь я знала.

— Ну, придешь и ты сказать, — разсмѣялась Луизка.

— Приду, увидишь! Ночью приду, тебя оттреплю... Дай мнѣ воды, Розочка.

Минка не говорила ничего весь вечеръ.

Но про смерть Минка не думала. Ея сердце было такъ спокойно и холодно, какъ сердце могильщика. Приходили и умирали, и новыя приходили на ихъ мѣсто. Кровать станеть пустой, снимуть табличку, сотрутъ ея имя и напишуть другое. И комната останется той же самой, и все будетъ по прежнему.

Думала Минка о домѣ, о которомъ уже давно забыла. Вспомнилаона о немъ и очень удивилась. Все было тамъ, точно въ сказкѣ. Странно бѣлые дома, словно нарисованные, странно голубое небо, пестрые сады, зеленые луга и деревья, и бѣлыя низенькія церкви,—все такъ странно... Какъ-будто нарисовано на толстой бумагѣ дѣтямъ для забавы... Люди ходятъ вокругъ, озабоченные и говорятъ такъ важно, такъ серьезно. Цѣлый день заботятся о томъ, что будутъ пить; они заботятся и объ одеждѣ и даже о сапогахъ.—«Гмъ, гмъ!» Такіе серьезные и такіе смѣшные они, какъ эти маленькія человѣчки изъ дерева,—стоитъ лишь немного потянуть за веревку... гопъ! и поднимаются ноги, поднимаются руки, но лицо остается серьезнымъ, такъ глупо серьезнымъ... Вспомнила Минка о веревкѣ, вспомнила о своемъ отцѣ. Повѣсилса бѣдный отецъ! Такой маленькій былъ онъ и весь сгорбленный, и смѣшной. Постоянно хваталъ себя за голову: «Охъ, охъ, охъ!»—словно тѣ человѣчки, что поднимають руки... И наконецъ, повѣсилса. Она была тоже глупа, что плакала... И мать была смѣшная,—толстая такая и круглая. Когда она ходила, все тряслось на ней, она переваливалась, какъ утка, и лицо ея было тоже, какъ у утки. Она сжимала руки: «Охъ, охъ, охъ:»—Ну, умерла и мать. Боже, какъ выглядѣла она на столѣ, съ такимъ смѣшнымъ круглымъ лицомъ! И вся она такая полная! Бѣдная мать! Можетъ быть, она вздыхала даже на столѣ: «охъ, охъ, охъ!»... Несли ее мужчины. Тяжелый, длинный, широкій гробъ несли они, а въ гробу: «охъ, охъ, охъ!»... Все это казалось ей, какъ-бы нарисовано... Нарисованные человѣчки, нарисованныя куколки въ пестрыхъ одеждахъ, серьезные и озабоченные. На первой страницѣ стоятъ они, какъ чучела среди зеленыхъ луговъ; надъ ними ясное солнечное небо; справа бѣлая церковь; а вотъ, на другой страницѣ, они лежатъ, какъ мертвые, а лица ихъ тѣ же самыя, такъ глупо серьезныя... А если бы взята книгу и разорвать ее? Глупая Франочка разорвала тогда

такую книгу, и сестра Цецилія даже не сдвинула бровей...

Почему они всё были такъ серьезны и почему постоянно плакали? Горькія слезы текли по щекамъ, и Минкѣ было такъ жаль этихъ бѣдныхъ людей. Бѣдный отецъ! Бѣдная мать! Вырѣзала бы изъ книги обоихъ и спрятала отъ всѣхъ на груди подъ рубашкой. И побаюкала бы ихъ немного, какъ въ колыбели! Ой, не плачьте, не плачьте! у людей такъ прекрасно,—прекрасные луга, прекрасныя рощи, прекрасное Божье небо! Ой, ой, ой!...—Обогрѣйтесь у меня, здѣсь хорошо...

Была ночь. Всѣ спали...

Минка вдругъ вскрикнула.

— Воды, Розочка, воды!

Проснулись всѣ. Розочка вскочила съ постели, еще въ сладкой дремотѣ.

Передъ яслями мерцалъ слабый, маленькій огонекъ, умиралъ, но не могъ умереть.

Розочка натыкалась на столы, на кресла, точно пьяная.

— Воды, Розочка!

Розочка потянулась за стаканомъ, до половины наполненнымъ водой, и подала его Минкѣ. Но рука Минки тряслась, не могла держать стаканъ, и вода разлилась по одѣялу.

— Подержи, Розочка, помоги мнѣ!

Она нагнула голову, омочила губы водой.

— Довольно... Поставь стаканъ обратно... Иди спать, Розочка!

Розочка, глаза которой уже привыкли къ темнотѣ, видѣла лицо Минки. Худое было оно, точно изъ однѣхъ заостренныхъ, торчащихъ костей: глаза горѣли, на лобъ ниспадали черные волосы.

— Она уже умерла?—спросила Луизка съ постели.

— Нѣтъ еще,—отвѣтила Розочка сонливо, вернулась въ постель и, прикрывшись одѣяломъ до ушей, сейчасъ же уснула.

Луизка думала: «Что, если она теперь умереть и придетъ сказать». Она боялась немного, но любопытство было сильнѣе страха. Прислушивалась она напряженно и долго, не зашевелится ли что-нибудь; не позоветъ ли ее чужой голосъ. Наконецъ уснула. Но и во снѣ прислушивалась она и смотрѣла. И увидѣла Луизка что-то свѣтлое, блестящее, какъ червонецъ... Плыло оно вдоль окна, все выше и выше. Но у окна какъ-то измѣнилось: свѣтилось

все еще и блестяло, какъ червонецъ, но это было уже лицо Минки. Минка засмѣялась и позвала.

— Луизочка!

Луизка проснулась... Былъ почти день.

Тина уже одѣвалась. Розочка была за столомъ. Тонечка, которой не хотѣлось вставать, сидѣла на постели и зѣвала.

Минка лежала спокойно, руки на груди, глаза открыты. Изъ-за полуоткрытыхъ губъ блестяли зубы.

Розочка вспомнила, встала и подошла къ Минкѣ.

— Минка, не спишь?—хочешь воды?

Минка не шевелилась. Розочка дотронулась до ея рукъ, дотронулась до ея лица.—Напрасно! Щеки были холодны, а лобъ твердый и гладкій, точно изъ фарфора. Глаза смотрѣли спокойно, зрачки слегка закатились къ верху, наполовину прикрытые вѣками.

Розочка оглянулась.

— Минка умерла... Сказала, что будетъ первой, вотъ такъ и есть.

Зашумѣло на постеляхъ, всѣ встали и начали быстро одѣваться.

— Я видѣла ея душу!—вскрикнула Луизка: ея душа шла по комнатѣ, блестяла, какъ червонецъ, а когда проходила чрезъ окно, она меня позвала.

Еще не были совсѣмъ одѣты и умыты, какъ вошла сестра Цецилія. Она зажгла освященную свѣчу и поставила на столикѣ возлѣ кровати Минки. Скорченные костлявые, пальцы мертвой сжимали мѣдный крестъ...

Стали молиться... Четки побрякивали, молодые голоса пѣли монотонно, жалобно.

#### IV.

Получили канарейку. Совсѣмъ маленькая была она и глупая, и все ее пугало. Пѣть еще не умѣла.

— Самка!—рѣшила Павла.

— Какая тамъ самка?—возражала Луизочка:—вѣдь я смотрѣла.

— А какъ можно узнать, что это не самка?—спросила Мальчи.

— Надо сзади раздуть перья и посмотреть... Погоди, сейчасъ увидишь.

Клѣтка была на столѣ. Луизка открыла дверцу, но ка-

нарейка жалобно зачирикала и пронзительно пропищала, словно просила милости.

— Ну, оставь ее! Пускай будет самка, просила Павла.

— Не надо пугать ее, а то заболѣтъ.

Сестра Цецилія повѣсила клѣтку на стѣнѣ, около окна, совсѣмъ у кровати Мальчи, такъ что брызги летѣли на одѣяло и на лицо Мальчи, когда канарейка купалась.

— Эй, ты, пташечка, зачѣмъ ты на меня брызгаешь?— смѣялась Мальчи, и всѣ завидовали, что канарейка брызгала на нее, и что она разговаривала съ канарейкой.

Пташечка изучала комнату. Живыми черными глазками глядѣла она вокругъ, наблюдала и удивлялась. И чѣмъ болѣе наблюдала, тѣмъ менѣе боялась. Если она видѣла недалеко отъ себя руку, тонкую руку Розочки или Мальчи, то сначала отпрыгивала и напряженно смотрѣла, затѣмъ медленно вытягивала шейку, раскрывала клювикъ, и глаза ея загорались какимъ-то враждебнымъ свѣтомъ. Шея вытягивалась все болѣе и болѣе, перья на шеѣ и головѣ растопыривались; наконецъ начинала размахивать крыльями, сначала медленно, потомъ все скорѣе и скорѣе, и сердитые рѣзкіе звуки раздавались изъ тоненькаго горлышка, звуки, похожіе на царапаніе ножа о пилу.

— Чего ты сердиться, пташечка?—невольнo спрашивала Мальчи:—вѣдь я тебѣ даю воду. Развѣ ты не хочешь воды?

Пташечка оглядывалась и потряхивала ножкой, но замѣтивъ, что ей дѣйствительно давали воду, успокаивалась. Только порою посматривала еще искоса и оставалась все еще очень недоувѣрчивой.—Не успѣла еще привыкнуть ко всѣмъ пальцамъ; особенно ее сердило, если начиналъ шевелиться толстый большой палецъ, который, какъ будто не принадлежалъ къ остальнымъ четыремъ. Когда ее ничто не беспокоило, она окунала головку глубоко въ воду, плескалась и брызгала во всѣ стороны. Затѣмъ прыгала на самую верхнюю жердочку, вся мокрая и растрепанная, точно непричесанная. Надъ ней всѣ смѣялись, но она только отряхивалась и ни на кого не обращала вниманія.

— Какъ не стыдно, пташечка!—кричала Мальчи. Канарейка смотрѣла украдкой, затѣмъ нагибалась, совала въ клювъ длинный тонкій коготокъ и чистила безъ всякаго стѣсненія ногу и клювъ сразу.

Убѣдившись, что на свѣтѣ не такъ ужъ много опасностей, стала постепенно осваиваться и привыкать. Едва дверцы открывались, она прыгала сейчасъ же на порогъ и

озиралась кругомъ. Ничего чужого, необыкновеннаго не было, все въ комнатѣ спокойно, какъ всегда. Она вспорхнула, слетѣла Мальчи на голову и сѣла на мягкую свѣтлую косу. Мальчи наклонила голову; ей было пріятно, и она смѣялась. Потомъ протянула руку, поманила пальцемъ. Канарейка прыгнула на руку и не зная, что начать отъ радости, согнула шейку, распустила перья, взмахнула крыльями; топталась и танцевала на тоненькихъ ножкахъ, и пѣла чистымъ, то веселымъ, то полнымъ тоски, голосомъ.

Всѣ смотрѣли на это красивое зрѣлище внимательнымъ взглядомъ. Въ Луизкѣ зародилась зависть.

— Пусти ее Мальчи,—сказала она однажды: — а то она издохнетъ.

Мальчи встряхнула рукой, и канарейка испуганная улетѣла. Но сейчасъ же успокоилась, и, лишь немного еще дрожа, начала чистить клювомъ перья подъ крыльями и подъ шейкой; затѣмъ стала спокойно клевать, какъ будто ничего не случилось.

Но какъ она ни привыкла къ комнатѣ, отъ страха и сомнѣній, все-таки, не могла окончательно избавиться. Все еще пугалась, если что-нибудь шевелилось, или если слышала какой-нибудь подозрительный звукъ. Темныя опасности какъ будто поджидали во всѣхъ углахъ, и вдругъ могло, протянуться что-то огромное и черное оттуда, отсюда, могло протянуться и схватить быстро, какъ молнія... Она вздрагивала, прыгала на крышку своей низенькой клѣтки, судорожно держалась за холодные прутья и смотрѣла внизъ. Но все было спокойно, ничего страшнаго не было.

Охватывала ее порою непонятная тоска и печаль. И тогда что-то просилось изъ груди; она низко нагибалась, томилась на жердочкѣ и пѣла. Мальчи смотрѣла на нее своими большими глазами.—Что у ней на душѣ?.. Смотритъ, какъ человѣкъ, только говорить не умѣетъ. Ей казалось, что канарейка даже думаетъ, какъ человѣкъ; все слышитъ и все понимаетъ.

Иногда пташечка взлетала на подоконникъ, гуляла на немъ и стучалась въ окно... Міръ былъ тамъ, снаружи... Вотъ, что-то пролетѣло тамъ, мимо окна, порхнуло и исчезло. Канарейка пугалась и бѣжала съ подоконника. Да, тамъ былъ странный міръ, полный неизвѣстныхъ ужасовъ. Даже въ самую комнату являлись иногда эти ужасы. Ее запирали тогда въ клѣтку, откуда она робко и враждебно смотрѣла, какъ чужіе ходили по всей ком-

натѣ, отъ кровати къ кровати и прислушивалась къ ихъ некрасивымъ хриплымъ голосамъ.

Только когда они всё уходили, рѣшалась выйти опять изъ клѣтки. А можетъ быть, еще осталось что-нибудь въ томъ или другомъ углу?.. можетъ быть только ждало, чтобы она какъ-нибудь нечаянно подошла ближе, и тогда протянулось бы за ней это огромное и черное?.. Но она была хитра: никогда не выходила сразу изъ клѣтки, даже если дверцы были настежь открыты. Вспорхнетъ сначала чуть-чуть, едва на вершокъ отъ клѣтки, и сейчасъ же снова обратно, чтобы убѣдиться, все ли такъ, какъ слѣдуетъ. Но на кроватяхъ и около стола было все попрежнему. Ничего не оставила за собою въ комнатѣ эта противная, ужасная жизнь, которая вторглась туда такъ неожиданно. Смѣялись только знакомыя лица, знакомые голоса, остались только маленькія ручки, которыя не могли причинить никакого зла, маленькія ручки, которыя даютъ хлѣбъ и воду... И какъ всё въ комнатѣ ненавидѣли, презирали и смѣялись надъ неуклюжей, огромной, противной жизнью, такъ смѣялась и канарейка. Она была не менѣе ихъ рада когда не было той жизни въ комнатѣ и каждый разъ такъ же нетерпѣливо, какъ и всё, ожидала, чтобы она поскорѣе убралась, ушла.

Протягивалась иногда къ самой ея клѣткѣ огромная, грязная рука. Разъ попробовала даже открыть дверцы, но не открыла; канарейка прижалась глубоко въ уголь; ея пристальный, горящій взглядъ былъ полонъ ненависти и страха; раскрыла клювъ, изъ горла раздался пронзительный, отчаянный крикъ.

Но вдругъ приподнялось что-то на кровати, тамъ внизу; прибѣжали со всѣхъ сторонъ, тонкіе голоса, похожіе на пищащій голосъ канарейки, стали кричать всё сразу:

— Прочь! прочь!

Рука должна была удалиться, канарейка свободно вздохнула. Всё онѣ чувствовали то же, что и канарейка. Не смѣла дотронуться до нея чужая рука, она бы убила нѣжную птичку. Даже сахару не смѣла подарить ей чужая рука. Графиня принесла ей однажды сладкой травки, но едва она ушла— „Богъ воздастъ! Да славится имя Господне!—и взяли изъ клѣтки зеленый подарокъ и разбросали по комнатѣ.

— Пусть сама жретъ, скряга! сказала Луизка, сердясь, не зная отчего. Но канарейкѣ все-таки хотѣлось отвѣдать травки, настолько она была еще глупа. — Немного-

бы нахохлилась, нѣсколько разъ нерѣшительно посмотрѣла, пока чужая рука совсѣмъ не исчезнетъ, наконецъ, осмѣлилась бы и попробовала тоненькихъ зеленыхъ листиковъ.

Мальчи знала это, и упрекала въ душѣ канарейку, что она такая неразборчивая и обжорливая. Сама она, конечно, кушала чужіе конфекты, но канарейкѣ нельзя.

Ужасно испугалась канарейка, когда пришелъ отецъ Розочки. Это были двѣ сильныя, тяжелыя руки; двѣ лопаты, созданныя какъ бы нарочно для убійствъ и темныхъ злодѣяній. И все на немъ было такъ мрачно, такъ страшно: его черная фигура, длинные усы, хриплый голосъ. Пока это страшилище было въ комнатѣ, она не могла проглотить ни зернышка. Розочка не позволяла отцу подходить къ клѣткѣ, но ей все-таки было немного неловко, и она стала уговаривать канарейку:

— Чего ты боишься, глупенькая? Отецъ вѣдь такой маленькій, ничего злого тебѣ не сдѣлаетъ!

Но канарейка только таращила глаза. Маленькій! Попробуй-ка онъ только немного поманить той черной лопатой, хотя немного стиснуть! И смотрѣла внимательно и злобно, какъ посѣтителі суетились въ комнатѣ и, наконецъ, исчезли. Заперли двери.—„Богъ воздастъ! Да славится имя Господне!“

Жизнь была тамъ, за дверью, а въ комнатѣ звучалъ смѣхъ, и бѣлыя кровати блестѣли.

Предчувствовала канарейка что-то мрачное, и поэтому становилась иногда печальной.

Все горе приходитъ оттуда, гдѣ жизнь, но, когда оно приходитъ и какимъ образомъ—никто не знаетъ. Прячутся тамъ ужасныя чудовища, внезапно могутъ открыть двери и появиться... И вотъ огромныя черныя руки протягиваются по кроватямъ, протягиваются въ клѣтку... Ни звука... Глаза тускнѣютъ въ холодномъ ужасѣ,—умолять не могутъ.

— Не бойся, пташечка! утѣшала Мальчи, когда та внезапно начинала прятаться и стенать отъ страха: не бойся, пташечка, не бойся ничего, вѣдь я съ тобой! Пташка слетала Мальчи на голову, играла ея мягкими, свѣтлыми волосами и, если вырывался случайно волосъ, то немедленно улетала съ нимъ въ клѣтку. Гуляла она иногда по комнатѣ и прыгала отъ кровати до кровати; то пріятно развлекалась, то опять немного сердилась, то пѣла или начинала клевать хлѣбныя крошки; наконецъ, находила бѣлую нитку или вырывала изъ подушки мягкія перышки и возвращалась въ клѣтку. Нитку

или перышки клала всегда въ уголъ, стояла нѣсколько времени задумчиво, точно стараясь о чемъ-то вспомнить. Затѣмъ вспрыгивала на верхнюю жердочку, мяла нитку и пѣла длинную красивую пѣсню.

Всѣ смотрѣли на нее спокойнымъ и полнымъ любви взглядомъ; ихъ лица, словно лица любящихъ матерей.

— Это наша канарейка! Такой канарейки нигдѣ нѣтъ и нигдѣ не было.

А въ дверь стучалась ужасная жизнь, которая жила тамъ, за порогомъ.

Было воскресенье, и туманный день скучалъ на дворѣ. Пришло мало народу, всѣ были еще скучнѣе, чѣмъ обыкновенно. Мальчи разсѣянно оглянулась: пришла мать, немного посидѣла и ушла. Что-то чрезвычайно тяжелое и тоскливое лежало въ комнатѣ, такое тоскливое, какъ мгlistое небо тамъ, на дворѣ, какъ вся жизнь. Не постучалась еще, какъ уже чувствовалось въ комнатѣ ея больное дыханіе...

Катенька ждала нетерпѣливо; матери не было. Но вдругъ открылись двери настежь, и на порогѣ появился высокій, широкоплечій мужчина. Одѣтъ онъ былъ очень плохо; весь грязный и обтрепанный. На улицѣ было холодно, а на немъ висѣлъ только черный сюртукъ съ длинными фалдами, потертый и поношенный. Сѣрая клѣтчатыя брюки были внизу совсѣмъ разорваны, ботинки стоптаны, такъ что видны были мокрые носки. Лицо его было блѣдно-землистаго цвѣта, все обросшее и опухшее; глаза были мутны и красны.

Онъ остановился въ дверяхъ и оглядѣлъ комнату.

— Гдѣ Катенька?

Не замѣтилъ ея, потому что она лежала тутъ-же возлѣ него, на первой кровати.

И Катенька вся задрожала. Приподняла немного руку, будто хотѣла закрыться, но больной рукой достала едва до лица.

— Ну взгляни-же, Катенька, вотъ и я! Хотѣлось посмотреть на тебя! Чего такъ смотришь? Ты не рада?

Катенька смотрѣла, точно ожидая, что отецъ вдругъ ударить ее огромной лапой, и все еще держала руку передъ лицомъ. Вошла сестра Цецилія и стала около дверей; лицо ея было красное отъ волненія; смотрѣла она такъ же любопытно и боязливо, какъ и канарейка.

— Ужъ знаю, Катенька, знаю! Скажи, что она говорила?.. Потому-то я и пришелъ, чтобы поразузнать... Не-

ужели ты думаешь, что я такой пьяница и что все пропиваю?.. И что ни копѣйки не даю денегъ, что колочу дѣтей?.. Что они голодны? Что они голы?—Ложь это, Катенька, ложь... Вѣдь я зналъ хорошо что она тебѣ про все рассказываетъ, а ты всему вѣришь, потому что ты еще маленькая и глупая... Довольно денегъ я ей даю, но она...

Говорилъ онъ рѣзкимъ голосомъ, очень громко и быстро, а Катеньку держалъ все время за руку, такъ что ей было больно. Сестра Цецилія видѣла лицо Катеньки; жалко ей стало Катеньки, и какой-то непонятный страхъ овладѣлъ ею. Вдругъ онъ обернулся къ ней:

— Нѣтъ, милосердная сестра, не смотрите такъ на меня,—я не красть пришелъ.

И попробовалъ улыбнуться.

— Извините, я не такой, какъ вы, можетъ быть, думаете,—человѣкъ безъ манеръ,—пьяница и прочее такое. Извините, я могу и по-французски говорить... *Comment vous portez-vous?*.. Что?.. Ничего?.. Катенька, эй, Катенька, ты все еще ко мнѣ не привыкла?..

Губы его почти дружески улыбались, но глаза сверкали отъ затаеннаго гнѣва.

— Вотъ, Катенька, я тебѣ что-то принесъ. Она тебѣ приноситъ что-нибудь, когда приходитъ?.. На, ѣшь, это вкусно!..

Онъ принесъ пряниковъ, отъ нихъ несло водкой. Катенькѣ сдѣлалось тошно, когда ихъ увидѣла, но она ихъ, все-таки ѣла, потому что боялась.

Осмотрѣлъ комнату. Худенькія, испуганныя личики смотрѣли на него. Ни одного звука... И размѣялся широко всѣмъ лицомъ.

— Что, развѣ вы меня боитесь, дѣти? Неужели я такой? Погоди, ты тамъ, погоди!

Обернулся къ Луизкѣ. Та смотрѣла хладнокровно, но судорожно, обѣими руками, держалась за стулъ.

— Эхъ, дѣти, вѣдь я не такой. Если бы я раньше зналъ, то и вамъ бы что-нибудь принесъ. Всѣмъ!.. Конфектъ, яблокъ, апельсинъ! Когда прійду въ другой разъ, всѣмъ принесу.

Смѣялся. Но гнѣвъ перешелъ изъ сердца въ глаза, на лобъ, на все лицо. Губы открывались, все еще желая смѣяться, но показывались одни острые зубы.

— А почему вы меня боитесь? Ну, почему?

Взглянулъ на Катеньку. Она лежала на постели, точно умирающая птичка на ладони.

Ему стало неловко, жалѣлъ уже, что пришелъ. Но хотѣлъ проститься, по крайней мѣрѣ, ласково... И почудилось ему вдругъ, что его кто-то позвалъ нѣжнымъ голосомъ изъ далекаго, далекаго прошлаго...

Погладилъ Катеньку по щекамъ. Рука была грубая, мозолистая, и пахло отъ нея.

— Я не такой злой, Катенька, какъ ты думаешь! Тѣнь каждаго человѣка темнѣе, чѣмъ онъ самъ. Ахъ, какъ я тебѣ завидую, Катенька!

Оглянулся.

— Я не такой злой, дѣти! Не смотрите такъ на меня!

Запищало что-то, застонало...

— Ого! у васъ есть и канарейка! Какая красивая канарейка! Ого!..

Заиграло у него въ душѣ и запѣло; самъ не зналъ, что съ нимъ случилось. И пошелъ по комнатѣ—огромный, черный... Искаженные ужасомъ лица слѣдили за нимъ

Мальчи хотѣла приподняться, протянуть руку, крикнуть... «Не трогайте канарейки, не трогайте»!.. Но у нея не было силъ двинуться, ни одинъ звукъ не вырвался изъ ея груди...

Дверцы были открыты; судьба захотѣла, и онѣ были открыты.

Канарейка смотрѣла и дрожала. И надвигалось все ближе и ближе, какъ туча.

И вдругъ—протянулась огромная, черная рука... Пташечка прыгнула на порогъ. Но ея неловкія ножки одеревенѣли отъ ужаса, крылья не могли шелохнуться; надвигалась какая-то невѣдомая безпощадная сила.

И тогда заблестѣло нѣчто неожиданное—спасеніе, тамъ, за окномъ... Всей силой рванулась къ окну, ударила о стекло и упала на подоконникъ. Розочка стояла возлѣ, блѣдная, трепещущая.

Она подняла ее нѣжно и бережно и понесла къ кровати, гдѣ сидѣла Мальчи, опершись руками на подушки; глаза широко-раскрытые, губы блѣдно-синія...

Розочка едва была въ состояніи проговорить шепотомъ:

— Мальчи, смотри!

Положила канарейку на подушку. Птичка еще разъ затрепетала—и умерла...

Такъ ворвалась жизнь, которая жила на улицѣ, въ своемъ ужасѣ... Такъ является вампиръ въ полночь—сдавленный страхъ остается за нимъ, и только, когда рождается свѣтлое утро, вырывается изъ груди протяжный стонъ, плачутъ глаза, и грудь вздымается.

Приближалась зима. Слышно было вечеромъ, какъ она стучалась въ окно. Обнажила уже всѣ деревья, и солнце не грѣло больше, а сіяло вверху, словно изъ холодной воды, словно изъ большой лѣнливой рѣки, покрытой уже льдомъ.

Въ комнатѣ не было ни зимы, ни мороза, ни ненастья. Зима проходила мимо, какъ Божье дитя, теплая и ласковая. Какъ Божье дитя, была она и какъ сестра Цецилія, которая устраивала ясли, и улыбающіеся глаза которой были полны чудныхъ тайнъ.

Вошла однажды утромъ сестра Цецилія, пряча въ рукахъ что-то безпокойное и дрыгающее.

Дѣти, смотрите!

Она нагнулась, выпустила изъ рукъ. На полъ прыгнуло что-то смѣшное, неуклюжее, черное.

Всѣ громко разсмѣялись.

— Воробей! воробей!

Но воробей не обращалъ ни на кого вниманія. Былъ онъ очень молодъ, даже клевать еще не умѣлъ, и кормить его надо было почти насильно. Весь взъерошенъ былъ онъ и неприглядень; хвоста еще не было, перья, напоминающія промокшій плащъ, свисали внизъ неуклюже и растрепанно, клювъ былъ очень широкъ, глаза совсѣмъ скрыты. Все подпрыгивалъ, словно хотѣлъ упасть на голову, а ногами такъ шлепалъ, будто носилъ туфли. Всѣ стояли вокругъ него, а онъ нашелъ свою дорогу, шлепъ—шлепъ—и былъ уже подъ кроватью.

— Гдѣ вы его нашли, сестра Цецилія?

— Замерзалъ въ саду, бѣдняжка; не можетъ еще летать и упалъ съ дерева.

Подъ кроватью зашумѣло, перевернулось, — можетъ быть туфли... И онъ уже появился на другой сторонѣ, — шлепъ, шлепъ...

Сестра Цецилія смотрѣла на него и смѣялась: такой мрачный и злобный былъ онъ въ своемъ мокромъ плащѣ.

— Анархистъ!

Анархистъ не приручился. Онъ пренебрегалъ уютной, теплой комнатой. И любовью пренебрегалъ. Пробовали его кормить. Мальчи взяла его даже къ себѣ въ постель, чтобы ему было теплѣе. Не хотѣлъ онъ ни ѣсть, ни грѣться. Не успѣла еще Мальчи хорошенько сообразить, — онъ уже — бацъ на полъ и шлепъ—шлепъ...

— Что это за воробей? спрашивала Мальчи. Она очень обидѣлась, что воробей пренебрегалъ ею и ея любовью.

— Ты не умѣешь кормить его, сказала Луизка и погналась за воробьемъ. Тотъ увиливаль, шлепаль, шлепаль, и Луизка скоро устала.

— Зачѣмъ она принесла эту гадкую птицу? Если ему здѣсь не нравится, такъ пусть замерзнетъ.

Анархистъ искалъ, Богъ знаетъ, чего; шнырялъ по всѣмъ угламъ, всю комнату уже обошелъ вдоль и поперекъ, когда отдыхаль, то прятался въ темноту, и оттуда блестяли два упрямыхъ, непокорныхъ глаза.

Хотѣли его уже выпустить, но сестра Цецилія не позволила.

— Крошекъ для него подъ столомъ достаточно, а то замерзнетъ.

Онъ подошелъ къ Луизкѣ, но та его отшвырнула рукой, и всѣ разсмѣялись, когда онъ перевалился и, ковыляя и шлепая, убрался прочь. Подскочилъ къ окну, посмотрѣлъ вверхъ и сталъ подпрыгивать. Крылья его были слишкомъ слабы; онъ напрягался, падалъ; онъ былъ въ состояніи подпрыгнуть едва на два вершка, даже высоты низкой кровати не могъ одолѣть. Прыгалъ передъ окномъ, прыгалъ вдоль всей его ширины, но вездѣ было одинаково высоко.

Розочкѣ стало жаль анархиста; подняла его на подоконникъ. Тотъ сейчасъ же подскочилъ и стукнулся о стекло головой и всѣмъ маленькимъ неуклюжимъ тѣлцемъ. Стукнулся, но его отбросило обратно на подоконникъ. Не смотря на это, онъ поднялся, перешелъ немного далѣе, подпрыгнулъ и стукнулся снова. И опять его отбросило обратно, опять упаль онъ и опять поднялся. Остановился на подоконникѣ и взглянулъ наружу,— тамъ было небо, черные дома стояли, виднѣлась верхушка голаго дерева. И анархистъ забылъ, что его отбросило; вѣдь тамъ, снаружи, было небо, черные дома стояли и голая деревья виднѣлись, и все такъ близко...

Опять глухо стукнуло, и анархистъ упаль снова на подоконникъ; хотѣлъ быстро подняться, но перевернулся еще разъ; собрался все-таки съ силами и запрыгалъ далѣе по подоконнику. Уже не помнилъ о томъ, что его отбрасывало обратно, онъ видѣлъ только небо и деревья. И стучало глухо и упорно, словно билъ кто-то кулакомъ по окну.

— Ну, такъ прыгни! Прыгай! Прыгай! Гопъ!

Луизка злобно смѣялась; всѣ слѣдили за тѣмъ, какъ анархистъ подпрыгиваль и падалъ.

— Прыгни, если тебѣ у насъ не нравится! Прыгни, анархистъ!

Стукнулъ, перевернулся и упалъ на полъ, точно тяжелый, черный клубокъ.

— Издохъ!

Всѣ смотрѣли, ни одна не шевелилась, но воробей вздрогнулъ, поболталъ желтыми ножками и всталъ.

— Эхъ, ты, воробей! Точно изъ дерева! разозлилась Луизка.

Едва поднялся, какъ уже снова подпрыгивалъ къ окну, но теперь уже не выше одного вершка; падалъ уже тяжело, болѣе на грудь и голову, чѣмъ на ноги. Но онъ не уставалъ. Твердо увѣренъ былъ онъ, что подпрыгнетъ, наконецъ, достаточно высоко и полетитъ туда, гдѣ небо и деревья.

Все время упорно молчалъ; никого не было, кому бы могъ сообщить свои мысли, съ кѣмъ бы могъ вмѣстѣ позлиться.

И подпрыгивалъ непрерывно, бѣгалъ возлѣ окна, подпрыгивалъ и падалъ.

Но уже туманилось передъ его глазами. Озирался еще наверхъ, но исчезало небо, исчезали деревья; ночь надвигалась надъ темными зданіями и, наконецъ, все проглотила.

Только на палецъ подскочилъ еще, но увы! уже не было больше ничего, даже окна не было...

Никто больше не обращалъ на него вниманія. Лампа горѣла, ложились спать. Анархистъ пересталъ падать и шлепать, спрятался, Богъ знаетъ куда. Ничто не шевелилось больше, все заснуло...

Когда Луизка на другой день утромъ надѣвала туфли, она закричала отъ испуга. Изъ туфли вывалился черный клубокъ.

Луизка отшвырнула его ногой въ сторону: противень былъ ей анархистъ: когти его были странно скрючены, сжаты, а голова вся въ ранахъ. Съ трудомъ можно было разобрать, гдѣ глаза, гдѣ клювъ; все было окровавлено, и взъерошено... Вымели его метлой черезъ порогъ вонъ, въ корридоръ.

Такъ онъ издохъ; ни сожалѣнія, ни памяти не осталось по немъ.

## V.

Наступила зима, медленно и незамѣтно, какъ наступаетъ старость: еще вчера гладки были лица, сморщены они сегодня; кто бы подумалъ, что миновали дни, что миновали годы?..

Непривѣтливая и угрюмая простиралась она тамъ, за порогомъ; небо было сумрачно, и холодомъ вѣяло отъ тучъ, плавающихъ по немъ; на голыя вѣтви легъ иней, окна были расписаны сѣтью ледяныхъ цвѣтовъ. Беззубая, скупая старуха царствовала за порогомъ, непривѣтливая и ворчливая ходила она большими шагами по сухому снѣгу и побрякивала четками.

Непривѣтливая и угрюмая простиралась она тамъ, за порогомъ; небо было сумрачно, и холодомъ вѣяло отъ тучъ, плавающихъ по немъ; на голыя вѣтви легъ иней, окна были расписаны сѣтью ледяныхъ цвѣтовъ. Беззубая, скупая старуха царствовала тамъ; непривѣтливая и ворчливая ходила она большими шагами по сухому снѣгу и побрякивала четками.

Но иная была она здѣсь, въ комнатѣ; бабушкой была здѣсь, которая сидитъ за печкой и рассказываетъ сказки про водяного, рассказываетъ о полуночныхъ призракахъ, о бѣлой женщинѣ и вѣдьмахъ...

Стало рано смеркаться; тѣни подвинулись и воцарилась тишина. Теплымъ и привѣтливымъ былъ свѣтъ, разлившійся съ потолка, свѣтъ веселаго маленькаго солнца въ колпакѣ, хотя и не такого пышнаго и роскошнаго, какъ то солнце, которое такъ рѣдко смѣется; это маленькое, свѣтлое, занимательное солнышко какъ будто само рассказывало роскошныя сказки, и само надъ ними смѣялось... А на дворѣ былъ морозъ и тьма; жизнь пошлая, презрѣнная, неслась мимо; беззубая, ворчливая старуха шла мимо, ворча и побрякивая четками.

Словно старая колдунья, неслась мимо зима, неслась жизнь. И дѣти боялись, жались въ уголъ и глядѣли испуганными глазами. Вотъ какъ рассказываетъ сказка: встало дитя и пошло за старухой-колдуньей по глубокому снѣгу чрезъ зимнюю рошу: манила она его, и дитя шло за ней, дрожа отъ холода, а сердце его было полно страха и непонятной тоски. Шло дитя за старухой черезъ зимнюю рошу и заблудилось, и упало, и умерло печальной смертью, а вдали хохотала старуха.

Погасло привѣтливое солнце на потолкѣ; вѣтеръ выль на улицѣ и потрясалъ окнами; они были плохо завѣшены, и зимняя ночь проглядывала въ комнату.

Тина замѣтила, какъ устремила на ея постель зимняя ночь свои огромные черные глаза. Тяжесть давила ей грудь, спать не хотѣлось; подушка и вся постель были, жестки, и точно раскалены... Сѣла... Глаза ея привыкли

къ темнотѣ и различали все въ комнатѣ: кровать возлѣ кровати, растрепанныя головы, полуоткрытые, храпящія рты. Лица были совершенно иныя, чѣмъ днемъ; на нихъ не было теперь ни слѣда веселья и молодости; на щекахъ, около глазъ и губъ лежало старческое, болѣзненное выраженіе; особенно противно было лицо горбатой Бригитты, — сѣровато-желтое, странно искривленное, словно лицо обезьяны; изъ-подъ одѣяла выглядывала нога: кость, покрытая сморщенной желтоватой кожей... Надъ кроватями—высокія мертвыя стѣны, —такія стѣны, думала Тина, бываютъ въ тюрьмахъ; стѣны, на которыхъ записаны страданія и бѣдствія тѣхъ, которые глядѣли на нихъ. Всѣ вздохи сохранились на стѣнахъ, всѣ тяжкія думы остались тамъ; а когда наступаетъ ночь и тишина, пробуждается на нихъ старое страданіе и стонетъ, и жалуется громкими словами. И горе тому, кто прѣспнется и слушаетъ, горе тому, кто узнаетъ эти вздохи и пойметъ эти слова: никогда больше онъ не забудетъ ихъ, и грустной станетъ его жизнь.

Тина прислушивалась и понимала все; и жизнь ея становилась безотрадной. Тина, какова твоя юность?—Холодъ пробѣжалъ по ея спинѣ, лицо исказилось и сдѣлалось жесткимъ и рѣзкимъ. Разсматривала она все въ комнатѣ и показалось ей, будто эта комната похожа на мертвецкую; такой же мертвецкой казалась вся ея жизнь... Но когда-то было иначе.—Жилъ человѣкъ, какъ говорить сказка, жилъ человѣкъ иной жизнью, но давно-давно, еще въ другомъ мірѣ,—и эта жизнь была полна однѣхъ радостей. Сказка говоритъ правду. Тина уже не помнила, она только чувствовала, что было когда-то иначе, Богъ вѣсть, когда, Богъ вѣсть, въ какомъ мірѣ. Остался образъ въ ея сердцѣ, такой красивый и полный ласки, какъ образъ Богоматери въ часовнѣ. И ласкалъ ее, и говорилъ привѣтливья слова... Тамъ былъ цвѣтникъ, тамъ были розы, зеленые луга и прекрасныя высокія деревья... И была у нея куколка, одѣтая въ прекрасный шелкъ, съ длинными бѣлокурыми волосами... Богъ вѣсть, когда было это и въ какомъ мірѣ... Заколыхалось, потонуло: одно мгновеніе,—и все исчезло... спустился огромный черный занавѣсъ и закрылъ все; лишь тамъ, гдѣ-то далеко-далеко сіяли еще полные ласки и грусти глаза...

Мертвецкой была вся ея жизнь отъ перваго дня и такой останется всегда...

Вспомнила о предмѣстьѣ, гдѣ она жила, и о высокой узкой лѣстницѣ. Давно было это, о какъ давно!.. Ползала

она медленно по ступенькамъ; больная нога тащилась за ней какъ мертвая, а въ рукахъ крѣпко держала она бутылку съ водкой. Вдругъ,—словно ножъ вонзился въ ея рану,—она вскрикнула: „Господи помилуй!“ бутылка лежала разбитая на полу. И въ то же мгновение боль утихла; она ничего не чувствовала, словно мертвая...

Спряталась въ уголъ лѣстницы и ждала ночи. Наступали сумерки, и она стала молиться; все ей казалось, что вотъ появится, Богъ вѣсть откуда, сострадательная рука; появится, можетъ быть, самъ Божій ангелъ, какъ случилось въ сказкѣ, и возьметъ ее съ собою...

Было холодно, и ночь ложилась на землю. Въ корридорѣ было темно, только у окна, которое глядѣло неприязненнымъ взоромъ на узенькій дворъ, мелькало что-то свѣтлое. И свѣтилось все ярче и ярче, и казалось, какъ будто движется и киваетъ. Ужасъ охватилъ Тину; спрятала голову между колѣнъ, тѣло ея вздрагивало. Подползла, наконецъ, къ дверямъ и стала прислушиваться; боязливо нажала рукой ручку двери. Дверь открылась, и за дверью зашевелилось, застучало, словно перевернутый стулъ... И шатаясь подошелъ къ ней отецъ тяжелыми, неровными шагами; его глаза блестѣли. «Гдѣ водка?» Она опустила голову, закрыла глаза и, трепеща всѣмъ тѣломъ, прятала руки; онъ грубо схватилъ ее, билъ головой о полъ, о стѣну. Странно шлепала больная нога; она ничуть не болѣла; безчувственная, легкая была она, точно изъ тряпокъ. Тина не умоляла его и не плакала; овладѣло ею что-то сладкое, нѣжное; стихло все, и стало удивительно спокойно. Когда проснулась, не могла двинуться съ мѣста; изъ раны текло безпрерывно...

Все въ томъ домѣ было ужасно, ибо онъ былъ проклятъ, и прокляты Богомъ были всѣ его обитатели; и все большое угрюмое предмѣстье было проклято. Не видѣла она тамъ ни привѣтливыхъ лицъ, ни веселыхъ очей; мрачно было все и грязно, вездѣ пахло водкой и отбросами. Если раздавались гдѣ-нибудь вблизи шаги, то она уже пугалась, потому что всѣ люди были такіе злые... Однажды зимою пришли, схватили ея кровать и понесли внизъ по высокой, узкой лѣстницѣ и бросили на дворъ, на кучу мусора. Она лежала тамъ два дня и двѣ ночи; было очень холодно, а на вторую ночь начали падать пушинки снѣга, крошечныя и такія мерзлыя, что ей кололо щеки и руки словно иголками. Но это была самая красивая ночь въ ея жизни. Тина была голодна, хотѣлось просить хлѣба, но

никого не было. Темно было все, тихо и одиноко, и Тина желала умереть. Въ первый разъ желала она смерти, и при этомъ желаніи охватила ее какая-то незнакомая сладость. Все созрѣло въ ней въ тотъ часъ, въ ту ночь. «Какъ должна выглядѣть смерть?» подумала Тина. Старушка она, закутанная въ теплую шубу; теплый платокъ на головѣ, а изъ-подъ платка смотрятъ привѣтливые глаза. Въ рукахъ у нея корзина, прикрытая бѣлымъ покрываломъ, а въ корзинѣ одни калачи; и пахнетъ отъ корзины пріятнымъ запахомъ, точно изъ булочной. Подходить она ближе, смотритъ, наклоняется, открываетъ корзину и опускаетъ туда руку... вотъ, не идетъ ли уже она вонъ тамъ? Зашевелилось, мелькнуло что-то около стѣны; шевелится, но не подходитъ ближе...

Старушка, привѣтливая, закутанная въ шубу, подойди ближе!... „Поднимись, Тина, скажетъ она: иди со мной!“ И она поднимется и пойдетъ... Вотъ она уже собралась съ силами и поднялась... Она шла легко и быстро, словно во снѣ; ея ноги едва касались земли. И открывался міръ, небо открывалось. Тутъ вспомнила Тина о своей грязной, обтрепанной одеждѣ, и ей стало стыдно. Но когда она взглянула на свое платье, то замѣтила съ радостью что на ней прекрасная бѣлая блуза съ красивыми обшивками. Уже звѣзды были близко. Она могла почти достать ихъ рукой. Блестѣли онѣ и привѣтливо мигали, какъ звѣздочки на рождественской елкѣ, выставленной въ окнѣ кондитерской... Приходили ангелы, шевелили медленно бѣлыми крыльями, и пріятное дуновение такъ ласково гладило ея лицо. Заблестѣло вдали, словно солнце; зазвенѣли колокола, громкіе голоса запѣли веселую пѣсню. Она прижалась къ старушкѣ и отъ радости закрыла глаза... Все утихло. И раздался гдѣ-то далеко-далеко, внизу, рѣзкій, сердитый звукъ, словно кто-то ударилъ кулакомъ; послышались голоса, приближались все болѣе и болѣе; она уже разбирала отдѣльные слова, но не рѣшалась открыть глазъ... Подошли, схватили кровать и понесли; она чуть-чуть зашевелила вѣками, которыя были тяжелы, словно изъ олова. — Мелькнула полоса свѣта; бородатыя мужскія лица, чужіе люди... Упала снѣжинка на ея глаза, морозъ пробѣжалъ по спинѣ, и все исчезло,—исчезъ дворъ, исчезли чужія лица, ничего не было...

Да, то былъ другой міръ, то была другая жизнь; теперь все за чернымъ занавѣсомъ, и онъ срывается лишь порою, когда царитъ ночь, и когда блуждаютъ глаза по голымъ стѣнамъ мертвецкой. И является страшная картина:

высокая темная лѣстница, дворъ, вокругъ него сырыя стѣны, по стѣнамъ грязныя окна, которые глядятъ точно глаза больного, умирающаго на кучѣ мусора. Богъ знаетъ, когда было это и въ какомъ мѣрѣ...

Зашумѣло на кровати у окна. Мальчи застонала во снѣ и взмахнула рукой. Тихо вздрогнула отъ холода, легла и прикрылась до ушей. Но подушка стала снова жаркой и жесткой, мысли навязывались, сна не было...

Давно уже не было ни сна, ни прекрасныхъ сновидѣній. Она была печальна и все тосковала, не зная о чемъ. Такъ тѣсенъ былъ ея домъ, тѣсенъ, какъ гробъ.—Никогда не смотрѣла она на табличку надъ кроватью, гдѣ было написано когда ее принесли. Давно уже это было. Вся жизнь прошла съ тѣхъ поръ; годъ былъ похожъ на годъ, день за день... Идетъ странникъ, веселя думы въ его головѣ, и на душѣ его нѣтъ заботъ; какъ сонъ, его путешествіе; не чувствуетъ усталости и, не оглядываясь назадъ, блуждаетъ весело по всей странѣ, весело,—какъ птица въ воздухѣ, которая несется вмѣстѣ съ южнымъ вѣтромъ въ далекіе края. Но вдругъ онъ просыпается; темно вокругъ него, и тяжелая дума ложится ему на сердце; вспоминаетъ онъ о себѣ, вспоминаетъ о своей жизни, о своемъ погибшемъ прошломъ, о темномъ будущемъ; оглядывается назадъ,—и что же? Прошелъ онъ такой длинный путь и ни разу не наслаждался жизнью. Глаза прозрѣли, его душа словно убита, тяжелы и неувѣренны его шаги... Однажды ночью Тина не могла уснуть, и тогда услышала она въ первый разъ, какъ говорили стѣны. Прислушалась съ ужасомъ и узнала, что живетъ въ метртвецкой. Кровать возлѣ кровати,—гробъ возлѣ гроба, и мертвые встаютъ, ходятъ вокругъ неуклюжими смѣшными шагами, смѣются и говорятъ. Но всѣ ихъ слова—это смерть... Ея сердце трепетало, а мысли блуждали далеко, тамъ, гдѣ жизнь и горечь жизни...

Да, пришла старуха, побрякивая четками и смѣясь своимъ беззубымъ ртомъ, и дитя встало и пошло за ней туда, куда она его манила, пошло и заблудилась, и погибло, ибо его сердце было горячо и безпокойно... И ходитъ по свѣту старуха, и носитъ съ собою бѣду и несчастіе; смотритъ чрезъ окно, манитъ, и горе тому, кто идетъ за ней...

Проснулась Мальчи, поглядѣла вокругъ и увидѣла Тину, сидящую на кровати; на дворѣ была свѣтлая ночь, лучи яснаго неба купались въ снѣгу.

— Чего не спишь, Тина?

— Мальчи, я такъ боюсь.

Мальчи задумчиво молчала.

— Потерпи, Тина, выздоровѣешь и уйдешь отсюда.

Мальчи повернулась на постели, откинула усталой рукой волосы со лба и спокойно уснула.— Тина глядѣла вотъму, пока не упала безъ силъ на постель. И безпокойныя думы смѣнились дикими сновидѣніями.

Утромъ вошла сестра Цецилія, остановилась около постели. Ея лицо было серьезно; какое-то прекрасное воспоминаніе лежало въ ея глазахъ и на ея губахъ. Посмотрѣла на болѣзненно раскраснѣвшіяся щеки, на лихорадочно блестящіе глаза, на сухія, потрескавшіяся губы. Остановилась, но спросить не смѣла, и прошла мимо; на ея щекахъ тоже выступила странная краска, и ея глаза блеснули,—тѣнь пронеслась, и ни слѣда не осталось по ней.

Тина чувствовала, что живетъ въ гробу. Вокругъ нея были одни мертвецы, и всѣ ихъ поступки казались ей противными, смѣшными. Ея глаза блуждали гдѣ-то далеко, въ другихъ краяхъ витали ея думы. Ея слова становились все болѣе чужими и непонятными, ибо приходили изъ другихъ странъ, изъ-подъ другого неба. И мертвые прозрѣвали, что живое сердце живетъ среди нихъ... Всѣ смотрѣли на нее безпокойными глазами, всѣмъ казалась она смѣшной и противной; никакого сожалѣнія не чувствовали къ ней.—«Если тебѣ не нравится, такъ иди! Иди вонъ, гдѣ голыя деревья и снѣгъ! Иди къ злымъ и опаснымъ людямъ! Иди туда, гдѣ жизнь, и издохни!»

...Но анархистъ не обращалъ винманія: стучалъ въ окно безпрерывно...

Неужели нѣтъ другой жизни, гдѣ нѣтъ ни узкихъ темныхъ лѣстницъ, ни грязнаго двора, ни сырыхъ стѣнъ?

Въ то время, какъ Тина прозрѣла, случилось что-то странное; бѣлая рука погладила ее по щекамъ, по волосамъ, скользнула медленно внизъ и дотронулась до плеча, дотронулась до платка на груди... Ее привѣтствовала та жизнь, гдѣ нѣтъ узкихъ лѣстницъ, ни грязнаго двора, ни сырыхъ стѣнъ. Въ великій и страшный часъ, когда она познала мертвецкую—свой домъ, затосковала ея душа, полная неизвѣстнаго горя...

Тина читала когда-то книгу, въ которой были пестрыя картинки. И ей вспомнилась одна картинка такъ ясно, будто она нарисована тамъ, на стѣнѣ, противъ кровати, подъ самымъ портретомъ толстаго господина съ краснымъ

воротникомъ. На той картинѣ было зеленое дерево, а подъ деревомъ скамья. Юноша и дѣвушка сидѣли на скамьѣ, нѣжно прислонившись другъ къ другу, голова къ головѣ, рука въ рукѣ. Ихъ глаза были устремлены, точно во снѣ, куда-то далеко-далеко, туда, черезъ солнечную страну, которая простиралась въ безконечность. Они молчали, не шевелилась рука, сжимающая другую руку... Тина глядѣла на картину, и все болѣе вздымалась ея грудь, хотѣлось застонать, закричать отъ тоски и отъ горечи...

Случилось это въ первый разъ, когда онъ прошелъ мимо; погладилъ ее по щекамъ и по волосамъ, дотронулся до ея плеча и до платка на груди и пробудилъ ея сердце и ранилъ его навсегда...

Тинѣ было тогда четырнадцать лѣтъ; былъ день ея ангела, когда онъ ее погладилъ въ первый разъ. Ея стройное тѣло уже почти развилось; ея немного широкое лицо было серьезно, глаза въ глубокихъ впадинахъ рѣдко смѣялись. Она мало говорила, ея голосъ былъ хриплый и некрасивый.—Былъ осенній вечеръ, когда пришелъ Эдуардъ, братъ Павлы, еврейки. И говорилъ онъ съ Тиной привѣтливо, какъ съ сестрой. Когда уходилъ, оглянулся еще разъ на комнату; жгучій, лихорадочный взглядъ Тины сверкалъ ему вслѣдъ. Молодъ былъ онъ и красивъ; его щеки были бѣлы, на высокій лобъ падали черныя, какъ смоль, кудри; ходилъ легкой, изящной поступью и, когда говорилъ и улыбался, Тина чувствовала, что ей хочется ухаживать за этимъ человѣкомъ и быть его вѣрной рабой всю жизнь... Остановился возлѣ лишь мимоходомъ и улыбнулся. И всю ночь послѣ этого видѣла его Тина передъ собою и чувствовала прикосновеніе его мягкой руки на щекѣ; прошелъ день, прошла недѣля, прошелъ мѣсяцъ, а Тина все еще видѣла его передъ собою, чувствовала его руку на щекахъ, на волосахъ, на груди. Съ тяжелымъ сердцемъ поджидала она каждое воскресенье и была печальна, если онъ не являлся. Знала, что въ хорошіе, теплые дни онъ не придетъ; поэтому желала постоянно непривѣтливаго неба, тѣхъ низкихъ сѣрыхъ тучъ, когда человѣкъ не знаетъ, куда дѣться, и думаетъ о больныхъ. Въ такіе дни приходило всегда масса народу; но несмотря на сильный гулъ, она всегда узнавала его шаги еще въ корридорѣ. Останавливался передъ нею только изрѣдка, проходя мимо длиннаго ряда кроватей къ окну, гдѣ лежала Павла. И останавливался онъ, какъ останавливается человѣкъ на дорогѣ и смотритъ на пустякъ, на

который бы не обратилъ никакого вниманія, если бы то-ропился. И рука его поднималась какъ-то разсѣянно и случайно.—Такимъ образомъ гладить человѣкъ свѣтлыя кудри незнакомаго ребенка или вырываетъ нечаянно молодой прутикъ изъ живой изгороди. Разсѣянны были его глаза, и улыбка на его губахъ была случайна, улыбка мертвой картинки, которая смотритъ въ пустоту и улыбается.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ въ первый разъ.— «Какъ поживаешь, Тина?» спрашивалъ онъ позже.—Только это говорилъ ей всегда и, оглянувшись, направлялся спокойно къ Луизкѣ, которая дерзко смѣялась, или къ Тонечкѣ, которая безуспѣшно напрягала свои слѣпые глаза и морщила брови, точно стараясь угадать, каково должно быть лицо того, кто стоитъ передъ ней. Такъ онъ расхаживалъ по нѣскольکو часовъ, до самыхъ сумерекъ, прощался полу-дружески, полу-небрежно съ Павлой и уходилъ такъ же разсѣянно, какъ всегда, со своими старшими сестрами, хорошо сложенными, пестро одѣтыми еврейками.

Прикованы къ его бѣлымъ рукамъ, къ бѣлому лицу, слѣдили за нимъ глаза Тины. И, когда наступала ночь, вздымалась ея грудь; голова горѣла, и жилы бились въ вискахъ, точно кто-то стучалъ молоткомъ.

...Весна пронеслась надъ долиной, и гдѣ была раньше голая земля, пробудилась въ одну ночь пышная жизнь, — свершилось Божье чудо...

Изъ молодого сердца, бывшаго раньше гробомъ, поднялась вдругъ горячая и сильная тоска. Въ роскошномъ богатствѣ пробудились грезы, точно розы въ дикомъ саду... На скамьѣ подъ каштаномъ сидятъ молча юноша и дѣвушка, нѣжно прислонившись другъ къ другу, голова къ головѣ, рука въ рукѣ. И вотъ картина ожила! Глаза, которые раньше глядѣли задумчиво на озаренную солнцемъ равнину, вдругъ вспыхнули, робкіе тоскливые взгляды то ищутъ другъ друга, то избѣгаютъ; наконецъ, встрѣились... Щеки покраснѣлись, руки задрожали, тѣло прижалось къ тѣлу, губы прижались къ губамъ, горячія и трепещущія... Приложила лобъ къ подушкѣ. «Ангель Божій, хранитель мой святой!..» Его лицо улыбалось, и такое бѣлое было оно, а губы алая, цвѣтушія; онъ наклонился къ ней; его красивая бѣлая рука дотронулась до ея пылающихъ ланитъ; она опустила голову и прижала ее къ своему лбу, прижала къ губамъ, къ груди...

Сестра Цецилія появилась въ дверяхъ; ея глаза были серьезны и печальны; зазвонили въ корридорѣ, гости ушли. Она остановилась, по ея лбу пронеслась тѣнь жизни, которая давно минула. Посмотрѣла на Тину и поняла, что жизнь протянула свою грязную руку за ней.—Мальчи тоже замѣтила эту руку, и сердце ея зашевелилось, какъ въ тотъ разъ, когда стучался въ окно анархистъ...

Словно въ зеркалѣ увидѣла Тина самое себя и всю свою жизнь. Лишь нѣсколько лучей бросила весна и прошла мимо—и все въ ея сердцѣ созрѣло; оно стало чувствовать, чего не чувствовало раньше, глаза стали замѣчать, чего раньше не замѣчали.—Пришелъ онъ однажды съ сестрами, а съ ними была молодая дѣвушка; только одинъ взглядъ бросила Тина на ея фигуру, лицо и платье, и убѣдилась, что она красавица; лицо ея сияло радостью, тѣло пышно вздымалось отъ молодости подъ тѣсной, стянутой одеждой... Въ тотъ разъ онъ не обратилъ никакого вниманія на Тину, даже поздороваться съ ней позабылъ. Какой-то необыкновенный свѣтъ замѣтила Тина въ ея глазахъ... Она потупила взоръ и сидѣла, точно окоченѣвшая; въ душѣ чувствовала что-то въ родѣ стыда и сейчасъ же, какъ только наступилъ вечеръ, раздѣлась, легла и укрылась съ головой.

Когда стемнѣло, она сѣла на кровати; что-то гадкое, грѣшное пробудилось въ ней. Ея пальцы стали скользить по всему тѣлу, по жалкимъ, тонкимъ, странно-искривленнымъ скорченнымъ ногамъ, по бокамъ, по едва развившейся груди. Охватило ее желаніе растерзать себя, разрѣзать ножемъ эти жалкія, проклятыя ноги и эту еще полудѣтскую грудь, которая почти терялась подъ блузкой и передникомъ; и эти губы, суровое лицо, и эти неуклюжія рабочія руки. О, проклятая жизнь, о проклятая мертвецкая.

И такъ цѣлую вѣчность. Да, есть жизнь, гдѣ нѣтъ ни высокихъ узкихъ лѣстницъ, ни мрачнаго двора, ни сырыхъ стѣнъ; и тамъ сады, луга и каштаны, тамъ и скамья подъ каштанами, на которой сидятъ юноша и дѣвушка, нѣжно прижавшись другъ къ другу, рука въ рукѣ, голова къ головѣ. Но ворота къ этой жизни закрыты... Предъ огромными желѣзными воротами стояла бы она на колѣняхъ, вся искалѣченная и гадкая, и смотрѣла бы въ садъ, гдѣ сидятъ подъ каштанами онъ и она, оба такіе красивые, молодые. И изувѣченная, заброшенная, смотрѣла бы она, какъ склоняется голова къ головѣ, все ниже

и ниже, какъ приближаются губы къ губамъ, какъ сжимаетъ рука руку. Ахъ, уперлась бы неуклюжими рабочими руками въ желѣзныя ворота, и задрожали бы они; но ей не суждено открыть ихъ,—ибо мертвецкая вѣчна.

Она вонзила ногти въ тѣло и вздохнула; вздохъ этотъ былъ похожъ на едва сдержанный крикъ... Мальчи заворочалась на постели и забормотала что-то непонятное; когда услышала сквозь сонъ крикъ Тины, ей показалось, будто она лежитъ въ той больницѣ, гдѣ лежала раньше, а возлѣ нея кричитъ голый ребенокъ, которому рѣжутъ острымъ ножемъ тѣло...

Тина уснула поздно и кричала во снѣ. Когда она пробудилась, одѣяло было на полу, на полу лежала тоже рубашка; тѣло ея было расцарапано ногтями, капелька крови алѣла на груди, подъ самой шеей...

Приближалось Рождество Христово, и на его пути лежали туманные, мрачные дни. Въ эти туманные дни жизнь Тины созрѣла.

Она приготовлялась, словно къ первому Святому Причастію. Молчалива была она и серьезна; въ думахъ ея угасъ дикій огонь, онѣ стали спокойными, чистыми и ясными, какъ ручей. И наступила та ночь, какъ-будто предназначенная съ давнихъ поръ.

Стемнѣло; весь день былъ мрачный и грустный, какъ послѣдній день преступника, обреченнаго на смерть. Тина сидѣла возлѣ кровати и ожидала, когда потухнетъ лампа, и станетъ въ комнатѣ тихо. И какъ только угасъ свѣтъ, и смолкъ шепотъ на постеляхъ, Тина взяла со стѣны четки и начала молиться. Она молилась и вдругъ испугалась: ея думы были не тутъ; словно во снѣ шептали губы свѣтлыя слова, но душа ихъ не слышала, не понимала. Начала молитву снова, стараясь думать о Богѣ, о Богоматери, о небѣ; но лицо Божьей Матери не казалось ей больше полнымъ милосердія, глаза Ея смотрѣли на нее холодно, насмѣшливо, пышное тѣло было облечено въ тѣсныя одежды, такъ что ея красивыя формы вздымались подъ ними, и Тина узнала красивую дѣвушку, сидѣвшую подъ каштанами рука объ руку съ юношей... И Христосъ измѣнился; на Его головѣ не было болѣе терноваго вѣнца, не катились кровавыя слезы по его щекамъ; лицо было гладко, глаза радостные. И видѣла Тина, какъ сидитъ подъ каштаномъ рука объ руку съ дѣвушкой... Быстро смѣнялись картины, исчезали, блѣднѣли, возвращались снова.— Тина знала, что борется ея Ангель Хранитель съ злымъ

духомъ; прижимала четки къ груди, молилась почти вслухъ. Картины становились спокойнѣе и чище, думы поднимались отъ грязной земли, возносились все выше и выше. Душа уже слышала слова молитвы, слышала и понимала... Да, только тамъ другая жизнь, гдѣ нѣтъ узкихъ грязныхъ лѣстницъ, ни мрачнаго двора, ни сырыхъ стѣнъ,— только тамъ,—по ту сторону смерти... Легко становилось у нея на душѣ: веселому ребенку надо лишь приподнять платьице, и онъ безъ труда прыгнетъ черезъ мелкую канаву на ту сторону...

Тихо было въ мертвецкой; лишь порою шевелился ктонибудь изъ спящихъ. Тина зажгла на ночномъ столикѣ свѣчку. Она вынула изъ ящика спички и стала готовить; готовила медленно, и руки ея совсѣмъ не дрожали, когда сыпала красный порошокъ въ стаканъ. Раздѣлась и легла въ постель; желтое мерцающее пламя свѣчки падало на позолоченный образокъ на ея голой шеѣ. Сняла со стѣны маленькое черное Распятіе и прижала его къ губамъ, а правую руку претянула за стаканомъ.

— Тина!

Затрепетала и оглянулась.

Мальчи сидѣла на кровати; сонно и недоумѣвающе смотрѣли ея глаза.

— Ты развѣ меня не звала, Тина?

— Нѣтъ, я тебя не звала, Мальчи, лягъ и усни.

— Потуши свѣчку.

Мальчи легла; едва сомкнула вѣки, вернулся сонъ.

Тина вздрогнула и все время дрожала, дрожало все ея тѣло; рука протянулась, едва хватило силы, чтобы удержать полный стаканъ.

Медленно и вполголоса шептала Тина «Отче-Нашъ», закрыла глаза и выпила до дна.

На другое утро у ея кровати стояли сестра Цецилія и врачъ, который добродушно улыбался.

— Глупый ребенокъ!.. Ну, все обойдется, несите ка ея внизъ!

Тина очнулась. Неописуемый ужасъ былъ въ ея глазахъ: вокругъ нея все еще стѣны мертвецкой, вокругъ нея все еще гробы, вѣчная мертвецкая!

Сестра Цецилія и сестра Агата, которая пришла изъ сосѣдней комнаты, понесли Тину внизъ. Мальчи сидѣла на кровати съ чашкой кофе въ рукахъ. «Она звала меня ночью», сказала Мальчи спокойнымъ, почти небрежнымъ голосомъ.

— Я знала, что она хочет отсюда, отвѣтила Бригитта и стала спокойно пить кофе, держа большую булку въ рукахъ...

Наступили сумерки и никто не думалъ больше о ней. Тина не вернулась... Но когда нѣсколько времени послѣ этого на ея кровати лежалъ ребенокъ и со страхомъ смотрѣлъ ночью на сырыя стѣны мертвецкой, то на него устремились два широко раскрытыхъ глаза, полныхъ ужаса и страданій...

На улицѣ былъ холодъ, и была ночь. Жизнь пошлая и презрѣнная шла мимо; беззубая суровая старуха шла мимо, ворча и побрякивая четками.

## VI.

Всего нѣсколько дней оставалось до Рождества, когда пришли къ Луизкѣ гости. Пришелъ прежде всѣхъ немного скорбленный, элегантно одѣтый господинъ закутанный въ теплую шубу; его ноги были необыкновенно тонки, на головѣ было уже очень мало волосъ, тщательно расчесанныхъ черезъ лысину. Сладко улыбалось его желтое, сморщенное лицо, когда онъ наклонился къ Луизкѣ и поцѣловалъ ее въ губы и въ щеки. Затѣмъ спросилъ ее, не хочетъ-ли она на время праздниковъ домой.

«Нѣтъ»... Луизка отвѣтила такъ спокойно и взглянула своему отцу такъ холодно въ лицо, что тотъ больше не спрашивалъ и скоро простился.

На другой день пришла элегантная дама. Она дышала тяжело, говорила быстро и небрежно, снимала перчатки, опять надѣвала и все оглядывалась, точно кого-нибудь ожидала. Осмотрѣла Луизку долгимъ внимательнымъ взглядомъ съ головы до ногъ и остановилась, наконецъ на туфляхъ.

«Фу, какія у тебя гадкія туфли, Луизка!»

«Купите другія... Зачѣмъ пришли?»

«Развѣ ногамъ не лучше?» обратилась дама къ сестрѣ Цециліи. «Ну, какъ съ ногами? Неужели не будетъ никогда лучше? А что говоритъ докторъ?»

Со всѣхъ кроватей устремились на даму сердитые взоры. Зачѣмъ говоритъ о ногахъ? Кто далъ ей это право? Пусть заботится о себѣ и о своемъ красномъ носѣ... Когда надо имѣть дѣло съ ногами, то сестра Цецилія ставитъ полотнянныя ширмы вокругъ кровати; все происходитъ

какъ бы ничего не было и взоръ не видитъ гадкихъ рань... А вотъ эта баба приходитъ и говоритъ объ этомъ среди комнаты—пусть идетъ на улицу, пусть тамъ кричитъ и спрашиваетъ людей: «Ну, какъ съ ногами?»

Сестра Цецилія пожала плечами и ничего не отвѣтила. «Странная больница!» разсердилась дама и спросила Луизку вторично, не хочетъ ли она домой на праздники.

«Не хочу!» отрѣзала Луизка и отвернулась въ сторону. Дама нервно натягивала перчатки, переступая при этомъ съ ноги на ногу, нѣсколько разъ оглянулась, и, наконецъ, ушла.

Луизка знала, почему не хотѣла домой.

Когда заперлись двери за господиномъ, за дамой, ея брови нахмурились и губы презрительно сжались.

Она видѣла домъ, красивый, да, гораздо красивѣе этой большой комнаты съ голыми стѣнами, съ четырнадцатью кроватями.

Тамъ стѣны были обиты прекрасными обоями, и картины въ золотыхъ рамахъ висѣли повсюду. На полу были ковры, и можно было сидѣть на широкихъ удобныхъ креслахъ, отдыхать на мягкихъ диванахъ, и ровный усыпляющій свѣтъ лился тихо черезъ высокія окна изъ-за тяжелыхъ гардинъ, спускавшихся до полу. Въ углу стоялъ маленькій столикъ, на каторомъ были розы; тяжелый, пріятно одуряющій запахъ лежалъ въ комнатахъ. Красивая была комната, но вся оскверненная, полная гадкихъ думъ и гадкихъ рѣчей.

Отецъ бывалъ очень рѣдко дома, но когда приходилъ, то его лицо принимало всегда рѣзкое выраженіе; смо трѣль онъ злобно, и такъ-же злобно смотрѣла мать.—Бывало: оба сидѣли за столомъ, лампа горѣла между ними. И произносилъ отецъ слово, короткое, какъ будто, нечаянно сорвалось съ его губъ, и тогда откладывали оба ножи и вилки, лица блѣднѣли, губы дрожали. Поднимались и стояли другъ противъ друга со сжатыми кулаками, глаза широко открыты, полные злобы и ненависти.

Каждое ихъ слово, вымолвленное хриплымъ голосомъ, исторгнутое изъ грязной груди, было какъ отвратительный плевокъ; и оба были оплеваны, обрызганы съ головы до ногъ. Луизка сначала не понимала и плакала; затѣмъ стала понимать... Ея щеки были румяны и круглы, но прозрѣвшіе глаза выражали презрѣніе.

Если приходили гости, то отецъ и мать становились совсѣмъ иными, такими привѣтливыми, нѣжными «Моя ми-

лая Мими!» говорилъ тогда отецъ и гладилъ мать по лицу. «Ахъ, ты мой шалунишка!» говорила мать и сладко улыбалась. Но оба были еще болѣе гнусны, чѣмъ тогда, когда стояли другъ противъ друга со сжатыми кулаками.

Очень часто случалось, что мать сама отворяла двери, тихо и робко входилъ чужой господинъ. Не всегда бывалъ тотъ же самый; каждый ходилъ только нѣскольکو времени и скоро переставалъ; много ихъ было. Мать ставила всегда вино на столъ. Одѣта была въ легкій, свѣтлый капоть, руки обнажены, грудь тоже была открыта и виднѣлось бѣлое тѣло.

Бывало сидѣли оба, близко другъ къ другу, пили и смѣялись, господинъ обнималъ одной рукой шею матери, другую опускалъ на ея ногу, которая прижималась къ нему.

«Хочешь вина, Луизка?» спрашивала мать.

«Нѣтъ», отвѣчала Луизка, лежащая на креслахъ, вся обложенная подушками и игравшая въ куклы.

Господинъ шепталъ: «Не лучше-ли было бы, еслибы... ребенокъ, можетъ быть...»

Луизка не понимала. Онъ нагнулся къ уху матери, и мать засмѣялась.

«Помилуйте! Вѣдь ребенокъ ничего не замѣчаетъ... не скажетъ ничего...».

Мать сидѣла почти на его рукахъ, нога ея была обнажена выше колѣна. Лицо раскраснѣлось, глаза становились влажными. Она вздыхала, склонялась къ нему еще ближе, голова прижималась къ его груди.

«Пойдемъ!» шепталъ господинъ.

Они уходили въ сосѣдную комнату, едва прикрывъ двери. Луизка слышала оттуда неясный шорохъ, сдержанный смѣхъ, полугромкія, прерывистыя слова, храпящее, тяжелое сопѣніе, Кровь бросилась ей въ лицо, стыдно ей становилось, хотя не знала почему, закрывала лицо. Когда долго спустя послѣ этого господинъ съ матерью возвратились обратно, они разстались холодно; поцѣловались, но губы едва коснулись губъ.

Иногда приходилъ отецъ домой пьяный и начиналъ обнимать мать. Та сначала отбивалась, но скоро кровь приливала къ ея щекамъ, и она начинала смѣяться. Луизка ложилась на диванъ и закрывала голову, чтобы ничего не видѣть.

Но точно силою злого духа, одѣяло спадало съ глазъ все болѣе и болѣе, и Луизка смотрѣла изъ за полузакрѣтыхъ рѣсницъ; лицо жгло, внутри дѣлалось больно, что-то

поднималось къ горлу, будто она пила отвратительный напитокъ.

Лѣтомъ мать часто выѣзжала; оставался только одинъ отецъ, который ходилъ, въ канцелярію, и служанка, противная и угрюмая женщина. Отецъ приходилъ тогда съ чужими женщинами домой. Однажды пришла съ нимъ робкая, бѣдно-одѣтая дѣвочка, которой было едва четырнадцать лѣтъ. Въ рукавъ она держала корзину съ цвѣтами, какіе продаютъ дѣти на улицахъ и по ресторанамъ. Пришла и остановилась у дверей, устремивъ глаза на Луизку, которая лежала на диванѣ, уже раздѣтая и укрытая.

«Ну, дальше, голубушка, дальше! Не бойся!».

Она чуть-чуть сопротивлялась; взгляды ея робко блуждали по комнатѣ; сѣла, наконецъ, къ нему на софу. Онъ откупорилъ бутылку и налилъ ей вина.

«Пей»

Луизка хотѣлось закричать: «Бѣги! Бѣги домой и спрячься въ кровати!»

Но дѣвушка пила. Худенькой, неловкой рукой взяла стаканъ и, зажмуривъ немного глаза, стала пить. Отецъ осматривалъ ея лицо нахальными глазами, его губы улыбались, къ желтымъ морщинистымъ щекамъ прилило немного крови. Онъ обнялъ ее, притянулъ къ себѣ и посадилъ на колѣни.

Дѣвушка все пила; лицо ея, прежде такое худенькое и блѣдное покраснѣло, но чѣмъ болѣе краснѣли ея щеки, тѣмъ быстрѣе исчезала со щекъ отца та капля крови, которая прилила къ нимъ, безкровными становились онѣ и сѣровато-желтыми; его глаза блѣстѣли.

Луизка смотрѣла и, вся дрожа, раскрыла глаза, раскрыла широко, чтобы ихъ увидѣлъ отецъ, увидѣлъ и испугался,— но онъ не замѣчалъ ничего, хохоталъ и началъ раздѣвать дѣвушку, которая лежала на его рукахъ, пьяная, наполовину одурманенная и истерически смѣялась. Луизка замѣтила, что ея чулки были разорваны и перевязаны обыкновенной веревкой; замѣтила также, что поношенная рубашка была всягрязная и заплатанная, но тѣло было бѣлое и нѣжное, и молодая грудь едва начала обрисовываться...

У Луизки въ глазахъ все заколыхалось; она повернулась къ стѣнѣ. Все исчезло—словно Ангелъ-Хранитель набросилъ ей на голову покрывало. Проснулась поздно ночью. Чувствовала себя дурно и искала впотѣмахъ воды.

Однажды поссорились отецъ и мать; отецъ ударилъ

мать кулакомъ въ лицо, мать расцарапала ему щеки. Потомъ они разстались; мать уложила чемоданы и уѣхала. Но вернулась скоро, отецъ пошелъ самъ за ней. И въ первый же день послѣ того, какъ она возвратилась, стояли опять оба другъ противъ друга со сжатыми кулаками, съ глазами полными злобы и ненависти. Но разойтись они больше не могли; уходилъ отецъ, уходила мать, но оба возвращались опять въ домъ, оскверненный, оплеванный и, какъ будто возвращались туда потому именно, что онъ былъ оскверненъ.

Но врачъ былъ добрый человѣкъ; онъ осмотрѣлся кругомъ, увидѣлъ какъ все было заплевано, ковры, обои, диваны, и сейчасъ-же велѣлъ перевести Луизку въ больницу. Мать заплакала, но едва показалось пара мелкихъ слезинокъ изъ глазъ, какъ на улицѣ заиграла музыка, и она бросилась къ окну...

Каждый годъ, около Рождества и около Пасхи, приходили оба за ней, но Луизка домой не хотѣла; и если бы имъ вздумалось увезти ее, она бы держалась за кровать обѣими руками, кусалась крѣпкими зубами и была кулакомъ. На праздники получала всегда сласти, пряники, апельсины, пасхальныя яички, но сама не дотрагивалась ни до чего, а дѣлила все между своими подругами...

Двери запирались—и презрительно складывались ея губы, брови сдвигались; жизнь уходила, а въ глазахъ, смотрящихъ вслѣдъ было одно лишь презреніе.

«Почему ты не хочешь домой?» спросила однажды Бригитта. Луизка едва оглянулась и не отвѣтила.

Бригиттѣ такъ хотѣлось бы пойти съ такимъ богатымъ бариномъ, съ такой элегантною дамою въ богатый домъ, въ большой дворецъ, гдѣ столько разныхъ наслажденій.

Ибо и Бригитта склоняла голову и слушала, какъ шла жизнь, и она вздрагивала, когда проходящая мимо окна старуха манила ее, и хотѣлось бѣжать за ней...

Домъ Бригитты не былъ красивъ. Стоялъ гдѣ-то въ предмѣстьѣ, гдѣ всѣ дома небрежно построены, стары и угрюмы. Она жила въ подвалѣ, въ двухъ сырыхъ комнатахъ, гдѣ было все темно, холодно, непривѣтливо. Только подъ вечеръ чуть-чуть бросало туда солнце нѣсколько лучей, которые сейчасъ же исчезали за высокой крышей, такъ какъ дворъ былъ узкій и со всѣхъ сторонъ окруженъ огромными стѣнами.

Много народу жило въ тѣхъ двухъ комнатахъ; приходили спать поздно вечеромъ, но прежде чѣмъ лечь, игра-

ли въ карты, громко болтали и хохотали, часто ссорились, и однажды вынесли поздно ночью изъ комнаты цыянаго мужчину, раненнаго ножемъ. Пять жильцовъ было, все рабочіе: съ однимъ изъ нихъ жила любовница и ребенокъ, но ребенокъ все хворалъ и скоро умеръ. Мать Бригитты была крѣпкая и красивая женщина; она не много работала, сидѣла за столомъ и весело болтала, а послѣ обѣда всегда спала.

Отецъ, худой, блѣдный и робкій человѣкъ ходилъ съ опущенной головой и говорилъ мало; работалъ весь день и деньги, которыя зарабатывалъ, отдавалъ матери. Иногда, особенно по субботамъ, когда бывало много денегъ въ домѣ, устраивали вечеринку, ѣли и пили до поздней ночи, играли на гармоніи и танцовали. Бригитта сидѣла на постели, смотрѣла, смѣялась и тоже пила. Когда становилось поздно, всѣ по очереди обнимали мать и цѣловали, а она веселая и вся раскраснѣвшаяся звонко смѣялась. Потомъ уходили въ другую комнату, съ трескомъ запирались дверь, и слышенъ былъ оттуда странный крикъ, смѣхъ, стукъ мебели. Отецъ оставался съ Бригиттой одинъ; блѣденъ бывалъ онъ, и глаза его странно блестяли. Ходилъ по комнатѣ, какъ пьяный, потомъ ложился, но не засыпалъ. Бригитта видѣла, какъ сверкали во тьмѣ его глаза... Что то странное случилось однажды. Уже смеркалось, когда вернулись рабочіе; пришелъ также Францъ, кузнецъ, рослый и сильный парень, руки совершенно черныя.

Онъ пришелъ, и мать встрѣтила его привѣтливо, принесла ему ужинъ, и оба сѣли и стали ѣсть. Послѣ ужина мать сняла блузу, такъ что показались голыя руки, и Францъ обнялъ ее и началъ цѣловать; она обвила обѣ руки вокругъ его шеи. Потомъ мать легла на кровать и, подложивъ руки подъ голову, громко смѣялась; высоко вздымалась ея грудь. Вдугъ открылась дверь, и вошелъ отецъ. Мать не двинулась съ мѣста, едва оглянулась и сказала: «Ужинъ въ кухнѣ, тамъ и ѣшь!» Отецъ повернулся, но, когда онъ былъ уже у дверей, возвратился и, шатаясь какъ пьяный, подошелъ къ Францу; Францъ закричалъ и ударилъ отца въ грудь, такъ что тотъ отлетѣлъ къ стѣнѣ, но самъ Францъ сейчасъ-же свалился и все на на полу было залито кровью. Мать соскочила съ кровати, начала кричать: «Францъ! Францъ!» и стала возлѣ него на колѣни. Потомъ вдругъ затихла, поднялась и медленно пошла прямо на отца, который, весь дрожа отъ

страха, стоялъ у стѣны и протягивалъ руки, чтобы защищаться. Но мать его не тронула; только указала пальцемъ на дверь, и отецъ ушелъ. Собралось много народу, пришелъ также докторъ, шумъ и смятеніе продолжались до поздней ночи... Францъ вернулся черезъ нѣсколько недѣль, но отца не видѣла она никогда больше...

Эти воспоминанія не были совсѣмъ ясны и терялись все болѣе и болѣе. Живо и ярко запечатлѣлся въ ея сердцѣ только тотъ вечеръ, когда она пережила странную радость, ужасную и красивую вмѣстѣ.

Жилъ тамъ рабочій, некрасивый и болѣзненный мужчина. Мутно и недовѣрчиво смотрѣли его глаза, руки и ноги были длинны и неуклюжи, какъ у обезьяны; онъ мало говорилъ; когда другіе веселились, онъ сторонился, прятался, а глаза его безпокойно блуждали. Только однажды видѣла Бригитта, какъ запылала въ немъ жизнь: онъ былъ одинъ дома и сидѣлъ за столомъ, когда изъ другой комнаты вышла любовница рабочаго, маленькая, толстая женщина, неуклюжая, всегда грязная и небрежно одѣтая; хотѣла пройти мимо стола, но вдругъ онъ протянулъ длинную руку, привлекъ женщину къ себѣ и сталъ рвать блузу на ея груди, которая сразу вся обнажилась. Та стояла, смотрѣла на него съ удивленіемъ, но, не сказала ничего кромѣ: «Ну, ну!»

А онъ схватилъ ее и, не говоря ни слова, толкнулъ въ другую комнату, даже дверей не закрылъ за собой... Когда женщина вернулась, она смѣялась и все еще удивлялась: «Какой человѣкъ! Какой звѣрь!» И тихо ухмыляясь пошла въ кухню... По праздникамъ всѣ уходили, и Бригитта оставалась одна дома до самой ночи. Заперта въ комнатѣ, она лежала на постели и думала обо всемъ; а когда наступили сумерки, и въ комнатѣ становилось темно и скучно, она начинала плакать. Только длиннорукой рабочій приходилъ иногда, шелъ черезъ комнату съ опущеной головой и, никуда не смотря, ложился спать. Такъ случилось и въ тотъ самый вечеръ... Сонно и лѣнливо свѣтило солнце тамъ, на высокой крышѣ, и когда оно угасло, спустился грустный мракъ на землю. Бригитта была печальна; она думала о томъ человѣкѣ, который не вѣрилъ въ Матерь Божію и умеръ, какъ язычникъ. Тутъ вошелъ длиннорукой рабочій, прошелъ мимо, возвратился, хотѣлъ пройти еще разъ, но остановился у кровати. Голова его была опущена, а выкатившіеся глаза горѣли. Бригитта смотрѣла на его лицо точно очарованная, и вся

дрожала. Онъ подошелъ къ ней, сбросилъ одѣяло на полъ и низко поклонился. На кровати лежало молодое тѣло, гадкое, горбатое, извивалось и трепетало, грудь стонала... Съ тѣхъ поръ слѣдили ея глаза за нимъ, куда бы ни пошелъ, боялись его и звали.

Просыпалась иногда Бригитта ночью, вспоминала и вся дрожала; руки прижимались къ тѣлу, она тряслась отъ непонятнаго, дикаго сладострастія, грудь стонала, какъ въ тотъ вечеръ... Жаждала Бригитта чего-то, но не знала чего, — тамъ, на дворѣ проходила жизнь мимо и манила... Въ глазахъ Бригитты таилось желаніе, на ея лицѣ былъ написанъ грѣхъ, грѣхъ говорилъ ея устами. Поэтому всѣ подруги сторонились ея и боялись; нечисто было ея лицо, гадкая была она и горбатая, какъ старуха, которая проходила мимо въ зимнія ночи и смотрѣла сквозь окно...

Мальчи тоже не хотѣла домой. Пришла мать, и Мальчи почти испугалась, когда она ее позвала домой. Такимъ далекимъ казался ей уже домъ, терялся все болѣе и болѣе вдаль, глаза едва замѣчали его въ туманѣ, когда-же видѣли, сердце наполнялось состраданіемъ. сжималось и болѣло... Тамъ на столѣ горитъ соннымъ свѣтомъ маленькая лампа, поздно уже, можетъ быть за полночь. На постели, въ полумракѣ, лежитъ маленькій братъ; раздѣтъ онъ и весь въ поту, полураскрытый ротикъ храпитъ, вотъ... онъ вздрогнулъ, вздрогнулъ во снѣ. За столомъ сидитъ мать и работаетъ, низко опущена ея голова, проворно движется ея рука, игла шьетъ равномерно и непрерывно. Рука на мгновение остановилась, глаза кула-то устремились, и слезы льются медленно и долго... уже проложили двѣ борозды на щекахъ...

Далеко было все это, далеко, это уже почти не домъ; какъ страшно было-бы теперь Мальчи лежать тамъ, на старомъ диванѣ, гдѣ не могла бы уснуть и къ утру слышала-бы какъ что-то глухоры даетъ—Богъ знаетъ—гдѣ, словно раздаются изъ тьмы ночной стоны раненыхъ, затерянныхъ... Но въ домѣ когда-то было весело, празднично. Приѣхалъ къ нимъ красиво одѣтый молодой человѣкъ, всегда веселый и разговорчивый, весна поселилась съ нимъ въ домѣ. Мать точно переродилась; ея глаза стали смѣяться, какъ не смѣялись раньше, хорошо одѣвалась, дома носила туфли съ помпонами и передникъ, обшитый кружевами; а когда ходила гулять съ молодымъ господиномъ, то надѣвала шляпу съ розами и шелковыми лентами, на рукахъ всегда перчатки, а по верхъ перчатокъ

позолоченный браслетъ Въ воскресенье по вечерамъ стояло всегда вино на столѣ, и когда было уже поздно, мать готовила въ другой комнатѣ чай. Тамъ звенѣли стаканы и шепотъ слышался до поздней ночи. Мальчи, одурманенная виномъ, чаемъ и пріятными мыслями, очень скоро засыпала. Когда она просыпалась, мать сидѣла уже за столомъ; глаза были немного красны, устала, а губы словно обожженные; работала она скоро и, когда били часы на стѣнѣ - всегда пугалась: такъ быстро неслось время... хваталась иногда за голову обѣими руками, повязывала мокрый платокъ вокругъ лба. Но не текли тогда слезы изъ глазъ ея, ни одинъ вздохъ не раздавался изъ ея груди. Даже позднюю ночью, когда уже занималась заря, а она все еще сидѣла за столомъ и работала, усмѣхались ея воспаленныя губы... У Мальчи часто болѣла рана, поэтому она не могла спать; и тогда разговаривали обѣ серьезнымъ и тихимъ голосомъ. Рассказывала мать, что уже совсѣмъ близка другая жизнь, но вдругъ прерывала работу и схватывалась за голову. «Такъ я не вынесу больше, Мальчи... Намъ надо много... и работать надо... Если бы человѣкъ могъ сидѣть такъ каждую ночь за работой...

Но едва завидишь кровать, рука останавливается и не хочетъ работать, точно изъ олова... Скоро будетъ иначе, Мальчи; даже раньше, чѣмъ пройдетъ годъ, гораздо раньше, это пройдетъ такъ быстро. Теперь будетъ скоро Рождество, потомъ Пасха—все такъ скоро, почти завтра, такъ мнѣ кажется. Тогда мы уже не будемъ жить здѣсь, Мальчи. Переѣдемъ на другую квартиру, вся мебель будетъ новая. Я уже знаю, какъ устрою квартиру, я уже обдумала все такъ подробно...»

И мать рассказывала, какъ она намѣрена устроить новую квартиру Она видѣла все такъ ясно передъ собою, какъ будто уже расхаживала по хорошо обставленнымъ комнатамъ, освѣщеннымъ спокойнымъ свѣтомъ солнца, которое сіяетъ черезъ темно-красныя занавѣси. Мальчи слушала вся веселая и, когда засыпала, переселялась въ эти барскія комнаты; тамъ сидѣла она на диванѣ, одѣтая въ прекрасное платье, на полу были ковры, съ потолка висѣла люстра, и на маленькомъ столикѣ возлѣ дивана стояла бѣлымъ платкомъ прикрытая корзинка, до верху наполненная сладостями.. Наступило Рождество, и наступила Пасха, молодой господинъ уѣхалъ и не возвратился больше. Мать плакала, когда онъ прощался, глаза, ея были красны на щекахъ выступили странныя пятна; она про-

водила его и, когда вернулась, все еще плакала, такъ что и Мальчи охватила печаль. Господинъ сказалъ, что скоро вернется и что будетъ писать; но никогда не писалъ и не вернулся больше никогда. Первую ночь послѣ того какъ онъ уѣхалъ, работала мать за столомъ; тихо катились слезы по ея лицу; она не вздыхала. Но вдругъ зарыдала громкимъ голосомъ: «Никогда больше не придетъ, никогда больше...»—и дѣйствительно, онъ не пришелъ. Мать тосковала, но душа ея надѣялась постоянно, что онъ возвратится. Много времени прошло послѣ этого, минулъ годъ, два года минули, но мать все еще ожидала, и когда раздавались на улицѣ шаги, она вздрагивала прислушивалась и ходила отворять дверь; все еще стояла она иногда по вечерамъ у окна, и ея напряженный взглядъ былъ устремленъ вдаль откуда приближалась неясная мужская фигура,—но всѣ сворачивали на другія улицы, Богъ знаетъ, кто были они... Волосы ея уже стали сѣдѣть и не хотѣла она больше хорошо одѣваться: все лежало въ шкафу: красныя туфли съ помпонами, и передникъ, обшитый кружевами, и весенняя шляпа съ розами и шелковыми лентами.

Мальчи не хотѣла домой, ибо въ ея сердцѣ дома больше не было, онъ оставался только въ воспоминаніяхъ. Странанія тамъ у людей, одна лишь грусть у нихъ и горечь. Глаза ихъ смотрятъ злобно, а если смотрятъ добродушно и любовно, то они полны слезъ. Одна злоба, одни страданія...

Но изъ сердца Мальчи еще не исчезла неясная картина, не исчезли еще тѣ прекрасныя грезы о «другой жизни» Мальчи надѣялась на другую жизнь, надѣялась—едва сознавая, надѣялась безъ слезъ и безъ страданій. Тамъ ясное, безконечное небо, тамъ зеленыя поля, и пестрые, безконечные цвѣтники; и все такъ спокойно, такъ чисто; всѣ лица мирны, привѣтливы, и весело смотрятъ ихъ глаза.

### VII.

Запѣли колокола со всѣхъ сторонъ, отъ востока до запада; съ необъятнаго неба лились рождественскія пѣсни, лились съ неба, изливались изъ мерзлой земли.

Это былъ день, когда родился Человѣкъ, и всѣ сердца были полны хвалы и любви, всѣ сердца были полны тоски по немъ.

И устремились къ Нему тысячи и тысячи оскорбленныхъ и разбитыхъ жизнью. Всѣ убогіе, презираемые, заброшенные шли къ Нему, и безконечна была ихъ процессія. Всѣ тѣ, которыхъ жизнь была жестоко, безпощадно, открыли усталые глаза, ихъ изнуренныя тѣла ожили, и съ раскрытыми сердцами пошли они Ему навстрѣчу.

Распятый Человѣкъ принималъ всѣхъ, ни одного изъ тѣхъ, которые искали утѣшенія, не отвергалъ онъ; всѣхъ одѣлялъ драгоценными дарами, всѣ были полны благодарности и упованія, И дары, которыми Онъ одѣлялъ ихъ, были цѣннѣе всѣхъ богатствъ, продаваемыхъ оскверненной жизнью оскверненнымъ душамъ. До кого ни дотрагивалась Его милосердная рука, кого ни благославлялъ Его взглядъ, тотъ прозрѣвалъ, съ плечъ его спадало бремя, ноги его становились легкими и подвижными, какъ крылья. Вѣчный Человѣкъ одѣлялъ ихъ вѣчностью. Удары жизни причиняли боль, а душа шествовала Ему на поклоненіе, въ страну надеждъ, въ страну забытыхъ страданій.

Запѣли колокола отъ востока до запада, и повсюду пробуждались раненные и заброшенные, и вставали. Страданіе праздновало вешній праздникъ упованія и торжественной побѣды; утѣшены были всѣ, которые узрѣли, что черезъ Голгову ведетъ путь въ страну вѣчной радости. Гордо и побѣдоносно смотрѣли тѣ, которые знали, что ихъ удѣлъ—страданіе; они знали, почему они бичеваны и вѣнчаны терновымъ вѣнцомъ...

Такъ праздновали день, когда Человѣкъ вступилъ на свой божественный путь. Не было ни одного убогаго сердца въ эту ночь, которое бы не трепетало отъ ликованія; оно едва понимало радость, бьющую ключемъ; едва вѣрилъ своему счастью презрѣнный и заброшенный, когда услышалъ слово утѣшенія и ощутилъ милосердную руку на морщинистомъ челѣ и на плечахъ, изнуренныхъ бременемъ.

Полная слезъ, крови и гнусности, хрипѣла земля тамъ внизу, во тьмѣ; но вдругъ вспыхнули тысячи и тысячи огней, безчисленные огненные языки вздымались, дрожали, пылали и вились къ небу.

«Въ эту ночь ходятъ ангелы по землѣ» сказала Тонечка. Уютное спокойствіе царило въ комнатѣ; оно носилось въ воздухѣ, покрывало бѣлыя стѣны, отражалось въ глазахъ и разливалось въ румянцѣ щекъ. И всѣ чувствовали что ходятъ ангелы по землѣ. что они вошли сквозь запертое окно и сидятъ возлѣ кроватей, проходятъ по комнатѣ легкими шагами, и тихо колышутся ихъ огромныя

бѣлыя крылья. И всѣ видѣли безчисленные, молитвенно пылающіе огоньки, которые зажгли ангелы далеко тамъ, на землѣ.

Ясли были уже готовы. Пламя въ красномъ стаканѣ горѣло передъ ними, а на самыхъ ясляхъ и подъ ними свѣтились тонкіе огоньки маленькихъ разноцвѣтныхъ свѣчекъ.

Золотой ангелъ спускался съ потолка и блестѣлъ удивительнымъ, мерцающимъ и дрожащимъ свѣтомъ, блестѣла и большая звѣзда, поднимающаяся надъ виоелемскимъ хлѣвомъ.

Всѣ долго не могли уснуть; тѣ, которыя были въ силахъ встать съ кроватей, готовились къ полунощной службѣ, и сердца ихъ были полны благоговѣйнаго ожиданія. Онѣ лежали полуодѣтыя и разговаривали шопотомъ. Никто не смѣялся, никто не сказалъ ни одного празднаго слова, ибо ангелы были въ комнатѣ...

Казалось, что въ эту ночь небо опустилось на землю. И Божьи ангелы съ огромными бѣлыми крыльями, и Святая Богородица, и маленькій, бѣдненькій Иисусъ, который лежалъ въ ясляхъ, и пастухи, стоявшіе передъ нимъ на колѣняхъ—все казалось такимъ близкимъ и знакомымъ, безъ всякой тайны, безъ всякаго непостижимаго величія.

Шопотъ становился все тише и тише, медленно опускались вѣки на глаза, но сердце бодрствовало. Все ближе и ближе казалось небо, оно заполнило самую комнату. Тонечка лежала на краю постели, на одѣялѣ, одна рука подъ головой, другая на груди. Весело блуждали ея радостныя думы, и вдругъ, какъ бы повѣяло ей чѣмъ-то въ лицо...

...«Ангелъ прошелъ мимо», думала Тонечка и улыбнулась отъ счастья... «Вотъ, надо лишь протянуть руку, и коснусь руки ангела». —И Мальчи немного задремала, но едва сомкнулись глаза, совершилось чудо: свѣтало... бѣлый и спокойный свѣтъ, какъ свѣтъ луны весенней ночью, разлился по комнатѣ; вся комната была полна ангеловъ, а сзади, на престолѣ сидѣла Матерь Божія съ Иисусомъ на рукахъ, и лицо Богоматери было совсѣмъ какъ лицо сестры Цециліи, и такія-же бѣлыя крылья, какъ у сестры Цециліи, бѣлѣли у Ней.

Зазвонили въ часовнѣ; гулъ колоколовъ доносился точно изъ неизмѣримой дали, какъ будто далекое эхо тѣхъ сновидѣній, которыя ниспосылало небо; наконецъ раздались колокола ясно и громко на самомъ корридорѣ, и всѣ

пробудились. Сестра Цецилія зажгла лампу; одѣвались быстро еще въ полуснѣ и молча отправились въ часовню.

Съ трудомъ, тяжело дыша, безмолвно двигалась ночная процессія по длинному корридолу; мѣстами блестѣли сонныя лампочки и бросали свѣтъ на бѣдныя маленькія созданія, заброшенныя, и жалкія; и съ худенькихъ личикъ, слишкомъ рано созрѣвшихъ уже изборожденныхъ морщинами, глядѣли глаза, полные радостнаго ожиданія, полные познанія. Вдали уже сіяли яркіе лучи: тамъ былъ свѣтъ, тамъ былъ Христось, которому онѣ шли навстрѣчу...

Прежде чѣмъ затворить двери, сестра Цецилія спросила Катеньку:

«Можно лампу оставить такъ?»

«Потушите», отвѣтила Катенька. Въ комнатѣ стало темно; и только въ окна проникалъ слабый свѣтъ отъ снѣга и отъ неба—яснаго, усѣяннаго свѣтлыми звѣздочками. Скоро затихло въ коридорѣ, процессія была уже далеко; гдѣ-то вдали раздался еще звонъ серебрянныхъ колокольчиковъ, и глухо стали доноситься рождественскія мелодіи. Ихъ сладостный и таинственный отзвукъ какъ будто поднимался изъ катакомбъ, изъ подземныхъ, торжественно освѣщенныхъ храмовъ, гдѣ дѣвы въ бѣлыхъ одѣніяхъ поютъ славу новорожденному Спасителю.

Темно было въ комнатѣ; свѣтился лишь снѣгъ тамъ за окнами, да звѣзды; огоньки на ясляхъ мерцали сонно и грустно, и желтые круги свѣта трепетали на потолкѣ.

Катенька не спала; она оглядывала комнату и различала понемногу бѣлыя кровати, различала также головы, которыя ворочались на подушкахъ. Слышался время отъ времени тяжелый вздохъ, храпъ, шорохъ одѣяла; поднялась чья-то рука и взмахнула по воздуху...

Глубоко внизу въ катакомбахъ пѣли радостныя пѣсни; глухо и нѣжно доносились онѣ наверхъ, словно легкіе шаги ангеловъ, шествующихъ въ золотыхъ сандаляхъ по звенящему полу.

Катенькѣ была пріятно быть одной въ темнотѣ; она была грустна весь вечеръ. Завтра придетъ мать и принесетъ въ бумагѣ калачъ. Мать придетъ такая сгорбленная, худая и бѣдная, и глаза ея будутъ заплаканы. Придетъ со сверткомъ и положитъ его на одѣяло, и дрожать будетъ ея рука, костлявая, сморщенная, мозолистая рука. И, какъ-бы извиняясь, шепнетъ; « Я не могла принести тебѣ ничего другого, даже и это, Катенька.....» Катенька знаетъ, что

хочетъ сказать мать; «Даже и это, Катенька, выжала я съ трудомъ изъ слабаго тѣла, въ которомъ едва еще есть капля крови. Поэтому ѣшь, дитя, словно питаешься святымъ причастіемъ. Кровь матери въ этомъ хлѣбѣ»... Дома, конечно, нѣтъ ни яслей, ни елочки, ни одной свѣчки, и никакой радости нѣтъ. Сестренки остались однѣ въ комнатѣ; отецъ въ трактирѣ, мать хлопочетъ, Богъ знаетъ, гдѣ, и дѣти собрались въ углу; имъ не страшно однѣмъ, и болтаютъ о Рождествѣ, о калачахъ, о ясляхъ и о елочкѣ. А на улицѣ свѣтло, огни пылаютъ повсюду, мелодіи льются отъ востока до запада... Дѣти дрожатъ отъ холода, но глаза ихъ смотрятъ куда-то вдаль, а душа грезитъ. Ужъ поздно, вездѣ тьма, дѣти ждутъ матери, и тепло имъ становится отъ радостныхъ предчувствій... Гдѣ хлопочетъ мать, чтобы принести мяса, или, можетъ-быть, даже яблокъ и орѣховъ? Холодно на улицѣ, и снѣгъ хруститъ подъ ногами...

Катенька задремала, и ея мечты принимали все болѣе и болѣе ясныя формы, становились дѣйствительностью... Позвала-бы къ себѣ всѣхъ—и дѣтей, и мать, и обогрѣла-бы, чтобы имъ было хорошо. Вѣдь здѣсь тепло и хорошо, и всего вдоволь... Позвала-бы къ себѣ мать—и Катенька вскрикнула такъ громко, что услышала въ полуснѣ собственный голосъ и на мгновение проснулась. Все было тихо; спокойно и сонно горѣли тоненькія свѣчки на ясляхъ...

«Мама!» Закрыла глаза и передъ ней встала дѣйствительность... Мать такая усталая, усталая: она бѣгала весь вечеръ, весь долгій годъ, всю долгую жизнь. Измученная, она легла и уснула; ея лицо блѣдно и спокойно, губы даже улыбались, но дѣти смотрѣли испуганно; они плакали, не зная, почему—темно было въ комнатѣ и холодно, мать лежала спокойно на кровати и не двигалась... Вдругъ открылись двери, вошелъ отецъ и остановился въ дверяхъ; отъ него несло водкой. Его глаза блуждали, ничего не различая въ темнотѣ—но когда онъ сталъ различать, когда все увидѣлъ, подбѣжалъ къ кровати и закричалъ...

Катенька услышала его крикъ, испугалась вторично. Рождественскія мелодіи доносились глухо изъ катакомбъ и замирали, во тьмѣ спокойно мерцали свѣчки...

Вѣки сомкнулись снова...

Тутъ медленно раскрылись двери, и вошла мать, закутанная въ большой шерстяной платокъ, сгорбленная и робкая, какъ всегда. Но ея лицо было необыкновенно бѣло, и нѣжно глядѣли ея привѣтливые глаза. Не было больше морщинъ на щекахъ, ни на лбу, руки были глад-

кія и бѣлыя. И подошла она къ постели, улыбаясь, какъ не улыбалась никогда раньше!!

«Катенька, сегодня святой день, я тебѣ принесла что-то хорошее!»

И Катенька увидѣла въ ея рукѣ красную розу, такую чудную, словно она только что расцвѣла въ ея тонкихъ, бѣлыхъ пальцахъ... «Я проходила здѣсь мимо, Катенька, и подумала, зайду къ тебѣ. потому что здѣсь такъ хорошо и пріятно, зайду, чтобы тебя еще разъ увидѣть и приласкать»...

Мать наклонилась, дотронулась губами до больныхъ рукъ Катеньки, до ея щекъ и темныхъ волосъ, спускающихся на лобъ...

Потомъ пришли ангелы въ комнату, много ангеловъ пришло, и всѣ были въ бѣлыхъ одѣяніяхъ; пріятный свѣтъ разлился по комнатѣ...

«Сонъ ли это или дѣйствительность?» думала Катенька... «Это вѣдь не сонъ... глаза раскрыты... вотъ это я... вотъ это кровать...» Тихо двигались они по комнатѣ,—но гляди, все знакомыя лица у нихъ... Вотъ Тонечка, и ея слѣпые глаза глядятъ весело, радостно, тамъ Мальчи, у которой такое маленькое, нѣжное личико и такіе умные, мечтательные глаза, и даже Павла, еврейка. Яркій свѣтъ разлитъ вездѣ, и въ немъ движутся бѣлые, едва видимые, безмолвные ангелы, ноги которыхъ не касаются земли...

«...Какъ хорошо было бы встать и пойти съ ними»... Пошевелилась и вздрогнула, не могла встать, тутъ блеснуло что-то въ глаза, два бѣлыхъ крыла засвѣтились среди комнаты, поднялась рука и свѣтъ погасъ. Тихими шагами кто-то прошелъ мимо, двери медленно затворились. Лишь порою слышался еще шорохъ на кроватяхъ; святая ночь покоилась на землѣ...

И Мальчи видѣла ангела въ ту ночь и ничуть не удивилась. Ея глаза были лишь полуоткрыты, но все-таки она замѣтила сквозь тѣнь длинныхъ, темныхъ рѣсницъ, какъ лился свѣтъ по всей комнатѣ, красивый, точно свѣтъ радуги. Открылись двери, въ комнатѣ показался ангелъ, зеленую вѣтку держалъ онъ въ рукахъ. Вѣтку положилъ онъ на столъ, а вокругъ разложилъ много хорошихъ и сладкихъ вещей, калачей, апельсиновъ, яблокъ. Ходилъ онъ такъ тихо, что никто не слышалъ его шаговъ и, когда прошелъ мимо, его лицо было похоже на лицо сестры Цецили, такое-же красивое и полное любви...



Оно блеснуло также и въ глазахъ Розочки, и она зашептала въ полуснѣ: «Ангель прошелъ по комнатѣ!»—«Ангель прошелъ по комнатѣ», отвѣтила Мальчи и уснула...

Весело засмѣялось, засверкало ясное утро бѣлымъ зимнимъ свѣтомъ. И комната наполнилась громкой радостью, смѣхомъ, пѣснями и красивыми грезами. Но, послѣ обѣда случилось что-то странное...

Гости стали являться сейчасъ-же послѣ обѣда. Никогда еще ихъ не было такъ много, и всѣ были нагружены подаркамъ. На кроватяхъ было полно калачей, ветчины, пахло цвѣтами, апельсинами и яблоками, пахло холоднымъ воздухомъ, принесеннымъ съ улицы, пахло чужими людьми. Подарки чужихъ людей, изъ чужихъ домовъ, онѣ отдѣляли тщательно отъ скромныхъ подарковъ, которые разложилъ ночью ангель около елочки и которые были слаще и пахли совершенно иначе

Пришелъ отецъ Розочки, блѣдный, слабый, измученный; казалось, что у него на плечахъ огромный, тяжелый крестъ, черная тѣнь котораго касается самаго потолка. И вошелъ онъ, словно нищій въ барскій домъ, сгорбленный, робкій. Обманывало его бѣдное, нищее сердце, лгало о сожальнѣи, лгало о жизни у людей. Такъ-же лгало красиво, румяное яблочко, которое онъ принесъ, и апельсинъ лгалъ, который онъ купилъ на нищенскія деньги, какъ подарокъ любви и состраданія. И Розочкѣ стало жаль отца. Такой больной былъ онъ и какъ-бы въ цѣпяхъ, и она, какъ будто здоровая, свободная. Правда, она была худенькая и маленькая, такъ что достигала отцу едва до пояса, но все-таки хотѣлось прижать его къ себѣ, его, который былъ ниже и бѣднѣе ея, и хотѣлось накормить его—не-уклюжаго, рассказывать прекрасныя сказки и усыпить...

Вошла мать Мальчи со свертками въ обѣихъ рукахъ. Улыбнулась Мальчи, когда увидѣла свертки. Вкусныя и сладкія вещи были тамъ. Мальчи понравилось, что мать пришла съ подарками, какъ и всѣ другіе; хорошо было это и прилично. Но на лицѣ матери, въ беспокойныхъ ея глазахъ, на губахъ замѣтила Мальчи ту жизнь; пришла она оттуда, гдѣ холодъ, оттуда, гдѣ воеетъ буря, и навѣрное думала она всю дорогу: «что-бы принести ребенку, бѣдному, больному?» И хлопотала и работала, быть можетъ, всю ночь; сонный свѣтъ маленькой лампочки падалъ на ея лицо, красныя, тяжелыя вѣки опускались медленно на глаза; работала, быть можетъ, до самаго утра, а сердце ея было истерзано болью, въ вискахъ стучало стальнымъ

молоткомъ. И вотъ, пришла она съ двумя бѣлыми свертками въ рукахъ къ бѣдному больному ребенку,—пришла, какъ нищая въ барскій домъ... Только мимолетно поймала Мальчи въ себѣ эту полугрустную, полурадостную, едва сознательную мысль и улыбнулась...

Пришелъ отецъ Катеньки. Страшное было его лицо, сѣрое, истерзанное, искаженное одной всего лишь ночью боли и раскаянія, ночью, которая казалась длиннѣе жизни. Онъ посмотрѣлъ на Катеньку, и его взглядъ просилъ милосердія и пощады... «Катенька, свершилось...» Его голосъ былъ хриплый и тихій, почти застревалъ въ горлѣ. Катенька обернулась и посмотрѣла ему спокойно въ лицо: «Мать умерла!...» Онъ удивился и глядѣлъ испуганно въ недоуменіи, но Катенька ему объяснила: «Мать явилась ко мнѣ, когда я спала, и принесла чудную розу. Зашла ко мнѣ мимоходомъ»...

Отецъ широко раскрылъ глаза, ноги его дрожали и онъ опустился возлѣ кровати на колѣни.

Всѣ еще приходили, точно длинная процессія. Пришли къ Павлѣ, еврейкѣ, по-праздничному одѣтые, закутанные въ теплыя шубы. Отъ ихъ лицъ, отъ словъ, отъ дыханія, отъ холоднаго воздуха, который принесли на одеждахъ съ собою, вѣяло той жизнью, жизнью скучной и злобной, которую они разукрасили смѣшными тряпками шутовской, мелкой и грязной радости мелкаго и низкаго счастья, чтобы не смотрѣть на ея гнусную и страшную наготу и не погибнуть отъ ужаса. Приходили они, какъ отверженные въ святой храмъ, какъ нищіе въ барскій домъ. И состраданіе въ ихъ сердцахъ, измученныхъ заботами, загрязненныхъ ежедневными поступками, было такое смѣшное, безсознательно лицемѣрное, какъ состраданіе нищихъ пастуховъ къ новорожденному Спасителю...

Пришли къ Луизкѣ, и Луизка привѣтствовала ихъ дерзкой улыбкой. Оба, господинъ и дама, были элегантно закутаны въ богатыя шубы и принесли массу свертковъ. Луизка взяла все и, развязывая, оглянула комнату. «На-те, дѣти, ѣшьте!» Она швыряла дорогіе, пріятно пахнувшіе подарки направо, налево, по бѣлымъ кроватямъ, и дерзко и весело смѣялась. Дерзкими были ея глаза, но сердце, едва созрѣвшее, слишкомъ рано переполненное горечью, было серьезно. Грязными казались ей подарки, умыла-бы себѣ руки, которыя сдѣлались грязными отъ ихъ прикосновенія. Отъ подарковъ несло домомъ и, какъ домъ,

были они осквернены и заплеваны. — «Что ты дѣлаешь, Луизка?» спросила дама, и щеки ея покраснѣли.

«Подарки дѣлю!» отвѣтила Луизка и не обращала больше вниманія ни на даму, ни на господина, ни разу больше не взглянула на нихъ. Оба стояли и скучно имъ было; на душѣ у нихъ лежало что-то противное, и это отражалось въ глазахъ. Едва сознавая чувствовали оба, что ихъ душа осквернена и бѣдна, и что она годится только для оплеванной будничной жизни..

И къ Тонечкѣ, ожидавшей весь день со страхомъ, также пришли, и ей принесли также много хорошихъ и дорогихъ вещей... Выхоленная рука погладила ее по щекамъ, кто-то наклонился надъ ней и поцѣловалъ ее въ губы; влажны усы защекотали ее, и она вся задрожала, хотѣла отстраниться, но не смѣла. Когда ушли, она подбѣжала къ окну, чтобы ей обмыли лицо лучи привѣтливаго солнца, которое сіяло на дворѣ..

Да, случилось нѣчто удивительное. Изъ душевной долины жизни направились люди длинной процессіей.. Они шествовали, какъ паломники, огромный крестъ былъ впереди, и мрачная тѣнь креста падала на нихъ... Всѣ они были обременены грѣхами и страданіями; нѣкоторые съ трудомъ передвигали ноги, ихъ спины были согнуты, ихъ головы опущены; другіе ступали выпрямившись, и ихъ надменные глаза надменно лгали; люди богато наряженные, перстни и запястья на рукахъ, кружева и шелкъ на изрытыхъ, изгложенныхъ подлой жизнью тѣлахъ; шатающіеся отъ слабости нищіе, ихъ лица испытывающіе, члены изнуренныя подлой жизнью... Такъ шествовали они, какъ паломники, и на всѣхъ было бремя грѣха и страданій. Они шествовали и несли дары тѣмъ, которые были чисты, и жили по ту сторону жизни—и въ душахъ паломниковъ дрожали подъ ложной маской жалости едва сознаваемая тоска и упованье.

Святой день былъ, день рожденія Спасителя. И случилось нѣчто удивительное. Въ ясляхъ хлѣва виолеемскаго лежалъ Спаситель, всѣхъ сокровищъ владыка. И со всѣхъ сторонъ приходили къ нему длинной процессіей пастухи, бѣдняки, рабы—стена подъ бременемъ грѣшной жизни, и приносили подарки Ему—Владыкѣ всѣхъ сокровищъ... Пришли и три волхва съ Востока и поклонились Тому, который лежалъ въ ясляхъ, въ хлѣву въ Виолеемѣ. Увидавъ звѣзду они затосковали—великая, едва сознаваемая едва понятная тоска зародилась и словно вихрь пронеслась надъ всей Божіей землей.

VIII.

Уже можно было стоять у раскрытаго окна, когда сіяло солнце. Лучи, скользившіе по щекамъ Тонечки, не грѣли еще, но ласки ихъ были пріязненныя, материнскія. Порою дулъ еще холодный вѣтеръ; словно завидуя солнцу, онъ безпокойно игралъ волосами Тонечки... Но радостное майское солнце было ужъ близко, тихіе материнскія поцѣлуи ласкали лицо Тонечки, становились все теплѣе; незнакомая, непонятная тоска пробуждалась въ сердцѣ и поднималась туда, откуда лился солнечный свѣтъ. Издали доносилась до слуха Тонечки пѣснь пасхальныхъ колоколовъ, пѣснь чистая, какъ душа ея и ея безсознательныя надежды.

— «Тонечка!» позвала сестра Цецилія; ея голосъ былъ холодный и многозначительный. Тонечка испугалась. Она прочла въ голосѣ тайный смыслъ, и сочувствіе звучало въ холодныхъ, многозначительныхъ словахъ.

Шаги прблизались, Тонечка стала пятиться отъ окна въ уголъ и прижалась къ стѣнѣ. Она узнала шаги.

— Отецъ пришелъ за тобой, Тонечка.

Поцѣловали ее усатыя губы, пахнуція табакомъ, и сладчай голось промолвилъ:

— Хорошо теперъ дома, Тонечка; тамъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь...

Опустила голову молча, не сопротивляясь. Ей было тринадцать лѣтъ, дѣтское тѣло едва начало формироваться. Привезли ее полтора года тому назадъ, она была тогда слабая и больная.

— Лучше тебѣ будетъ, чѣмъ здѣсь! обѣщаль—сладкій голось; Тонечка вспомнила о домѣ, и опустила голову...

Вспомнила объ угасшемъ свѣтѣ своего далекаго прошлаго. Все было свѣтло, какъ жизнь, что скрылась куда-то въ полузабытое прошлое, но опять должна возвратиться, ибо сердцѣ тоскуетъ по ней. Пробуждались въ ея памяти картины того времени, возникали смутно, неясно, одна была похожа на другую...

Лишь одно лицо было совсѣмъ непохоже на другія. Оно было нѣжно и полно любви, какъ голось сестры Цеци-

ліи, когда она рассказываетъ сказки. Но мать умерла.— давно умерла. Лишь свѣчи остались въ памяти Тонечки, что горѣли длинымъ краснымъ пламенемъ... Всѣ эти воспоминанія были смутны, неясны, мимолетны—кружились, порхали, трепетали, какъ мошки около огня.

И вотъ случилось однажды что все погасло. Страхъ и безпокойство водворились въ домѣ; по комнатѣ ходили незнакомые люди и раздавался плачь. А передъ нею была тьма—ничего не было видно, исчезъ міръ, точно она умерла...

Да, даже тотъ день, когда это случилось, ясно не сохранился въ ея памяти, никогда она не думала о немъ... Былъ свѣтъ когда-то, въ полузабытомъ прошломъ, и будетъ снова когда-нибудь...

А на пути къ этому свѣту темнота, жизнь и домъ.— Пришла она изъ солнечныхъ странъ въ долину, гдѣ мракъ, и въ этомъ мракѣ люди, злые и грязные.

Но наступитъ день, она вернется обратно въ солнечныя страны, которыя такъ часто присылали ей привѣтъ своими золотыми лучами.

Ея отецъ былъ знатенъ; всѣ говорили съ нимъ подобострастно. Она слышала иногда, какъ просили его заикаясь, но его голосъ оставался холоденъ и твердъ. Порою онъ становился также привѣтливимъ, вѣжливымъ и мягкимъ, особенно когда говорилъ съ женщинами. Въ такихъ случаяхъ даже смѣялся мелкимъ, хихикающимъ смѣхомъ, котораго Тонечка такъ боялась, сама не зная почему...

—«Господинъ совѣтникъ!» говорили всѣ отцу, и это «Совѣтникъ» бывало всегда такое робкое и просящее; длинное, протяжное «ээ» трепетало и извивалось, стояло даже на колѣняхъ и наклоняло приниженную спину... Отецъ былъ важное лицо, имѣющее право одѣлять милостями и наградами.

—Самъ онъ преклонялся лишь передъ немногими посѣтителями, и тогда дрожалъ и у него голосъ и извивался также униженно и робко какъ то протяжное «ээ.» Разъ слышала Тонечка, какъ робко дрожалъ голосъ отца. Раздались твердые, чужіе шаги, рѣзко прозвучало привѣтствіе, точно ударъ отточенного стального клинка.

Тонечка должна была уйти въ другую комнату, но все—таки услышала слова посѣтителя: «подъ судъ васъ надо, но ради служебныхъ интересовъ мы васъ пока не тронемъ»...

Никогда не былъ отецъ такъ золъ, какъ въ тотъ разъ; приходили люди, но ихъ просьбы были напрасны.

Отецъ о ней не заботился, гладилъ и цѣловалъ ее, и то только тогда; когда бывали гости въ домѣ. Наконецъ забылъ о ней совсѣмъ и оставилъ ее на попеченіе служанокъ.

Но онѣ мѣнялись; ни къ одной не могла Тонечка вполнѣ привыкнуть, каждая исчезала сразу, неожиданно, случалось, Богъ знаетъ, что. Тонечка прислушивалась и старалась угадать: изъ раздающихся голосовъ, поднявшагося шума возникали картины странныя и ужасающія; и тѣмъ болѣе ужасающія, что были неясны. Ходила цѣлый день изъ комнаты въ комнату, какъ видѣніе, никто не заботился о ней, блуждала, какъ въ лѣсу. Однажды услышала грубые, кричащіе голоса.

Спорили отецъ и служанка, порывисто, возбужденно, неоконченными фразами и полупонятными словами.

Опрокинулся стулъ, чьи то ноги шаркали по полу и словно упирались изъ всѣхъ силъ; тяжело и судорожно дышала чья-то грудь... „Перестаньте!“ Казлось будто борется, напираетъ и защищается четверо рукъ. Потомъ что-то съ грохотомъ тѣжело свалилось на полъ. Двери съ трескомъ открылись и закрылись...

На другой день служанки уже не было въ домѣ.

Отецъ женился вторично и сначала было въ домѣ много смѣха и жизни. Новая мать цѣловала Тонечку, но Тонечка пренебрегала этими поцѣлуями; губы мачехи были холодны, и Тонечка чувствовала, что это поцѣлуи Іуды; лживы были также всѣ сладкія и мягкія слова мачехи. \*)

«Хорошо теперъ дома!» сказалъ отецъ. «И не подобаетъ тебѣ быть въ больницѣ. Наймемъ тебѣ учителя.

Развѣ ты не рада?»

«Я рада отецъ!» отвѣтила Тонечка, но голосъ ея звучалъ, какъ крикъ канарейки, которая налетѣла на окно, упала на подоконникъ и умерла.

Она пошла, но въ дверяхъ остановилась и оглянулась. Ея глаза, казалось, прозрѣли: широко раскрыты и полны ужаса были они...

Такъ вернулась Тонечка въ жизнь.

Вернулась въ туманную долину, а на горѣ сіяла весна прекрасная, какъ никогда раньше.

---

По нѣкоторымъ соображеніямъ редакція была принуждена выцустить три четверти этой главы.

IX.

Надъ землею сіяла весна, прекрасная, какъ никогда раньше. Вся комната наполнилась солнцемъ, солнцемъ наполнились всѣ сердца. И надежды, раньше шаткія, почти непонятныя, летѣли теперь свѣтлымъ цѣлямъ навстрѣчу.

Иногда садилась Мальчи на постели, опираясь худенькими ручками о подушки и смотрѣла черезъ окно. Тамъ, далеко наверху, сверкалъ клочекъ синяго неба; ей казалось, что онъ близко, такъ близко, что его можно достать рукой; небо весело глядѣло на нее, глядѣло прямо въ глаза, смѣялось и манило...

Осень была, когда пріѣхала Мальчи, наивная и совершенный ребенокъ. Но съ тѣхъ поръ прошла не только зима, но долгая—долгая жизнь. Лицо Мальчи совершенно измѣнилось: осталось бѣлымъ, какъ и раньше, но все дѣтское исчезло съ него. Глаза не были больше безпокойны и робки; она глядѣла серьезно и спокойно, какъ глядитъ старикъ, который уже свелъ счетъ съ жизнью... Ужаснулась она въ первый разъ, сама не зная отчего, и заплакала; далеко теперь былъ тотъ вечеръ, далеко было все, что случилось раньше.

Приходила мать и приносила подарки, но Мальчи казалось, что мать приходитъ изъ далекихъ странъ, изъ другого міра; смотрѣла на нее точно сквозь туманный занавѣсъ. Приходила мать, какъ убогая странница, которая приноситъ дары; рассказывала о домѣ, о сосѣдяхъ, обо всемъ томъ далекокомъ мірѣ, и все, что она рассказывала, было жалобно, мелочно и смѣшно; Мальчи слушала невнимательно, лишь время отъ времени улыбаясь, какъ бы изъ состраданія. Едва сознавала она, что это было состраданіе; схватывала иногда мать за руку, сжимала въ обѣихъ своихъ тоненькихъ, костлявыхъ ручкахъ и прижимала къ себѣ бѣдную, усталую, трудовую руку. Затѣмъ отпускала ее, не чувствуя больше ни присутствія матери, ни сожалѣнія и смотрѣла черезъ окно туда, гдѣ сіяло солнце и манило...

Ея тѣло таяло. Худыя искривленныя и скрюченныя кости были покрыты прозрачной кожей; пальцы,—точно тонкіе длинные когти птицы, щекъ не было больше; губы стали тоньше и длиннѣе; изъ глубокихъ впадинъ странно сверкали большіе, спокойные глаза. Болѣзнь распространилась отъ костей на ногахъ и на на спинѣ по всему тѣлу.

Открывались раны на шеѣ, показывались гнойные нарывы за ушами, опухли даже ладони, а отъ долгаго лежанья были въ ранахъ и бедра. Потомъ перешла болѣзнь на легкія и, наконецъ, въ желудокъ. Губы были въ трещинахъ и постоянно горѣли, въ углахъ губъ собиралась пѣнистая влага.

«Тебѣ очень больно, Мальчи?» спросила однажды мать, и слезы текли по ея щекамъ.

Мальчи удивилась, чуть-чуть улыбнулась и встряхнула головой, потому что волосы все спадали на лобъ, на лицо и щекотали. Смотрѣла на мать и думала, почему мать плачетъ...

Ахъ, вѣдь это изъ-за нея же!..

Мать рыдала, но Мальчи не была грустна; она совсѣмъ даже не страдала. Что такое страданіе? Тамъ, далеко оно; тамъ у людей, въ туманной, кишасей долинѣ. Когда поворачивалась на постели, то иногда стонала, но сама никогда не слышала своихъ стонувъ. Въ послѣдній разъ чувствовала она боль, когда умерла канарейка. Бѣдная канарейка, которую убила жизнь!..

Случилось однажды: она закрыла глаза; спать не хотѣлось, только глядѣть было трудно. Вошла мать; Мальчи услышала ея шаги, но вѣкъ не подняла. Мать подошла къ постели и громко зарыдала... «Мальчи! Мальчи!»... Отчего рыдаетъ мать? Мальчи медленно раскрыла глаза, улыбнулась и протянула руку... «Еще узнаешь меня, Мальчи?» Эхъ, какое дитя моя мать! И правда, лицо у нея, какъ у ребенка, слезливое и робкое. Почему бы мнѣ не узнать матери? Но говорить не хотѣлось; вѣки опять опустились, сама не замѣтила, когда; чуть-чуть лишь бѣлѣли глаза сквозь длинныя темныя рѣсницы. Мать стояла возлѣ кровати на колѣняхъ, прятала лицо въ простыню и рыдала. Тутъ вошелъ священникъ; Мальчи узнала его по тяжелой грубой походкѣ: его сапоги были подбиты гвоздями. Не любила она священника. Длинный былъ онъ и худой, такое же длинное и худое было его лицо, а носъ торчалъ какъ клювъ... «Не плачьте, сударыня, не плачьте! Возрадуйтесь, что Господь ее призываетъ къ себѣ. Такая жизнь,—это не жизнь. Людямъ въ тягость и себѣ»... Мальчи слушала и смѣялась въ душѣ. Издали откуда-то доносились эти голоса, но были совсѣмъ ясны и понятны. Изъ долины доносились они и были такіе серьезные и торжественные, какъ голоса дѣтей, которые хотятъ подражать взрослымъ: кукла на

рукахъ,—и ходять по комнатѣ, съ цилиндромъ отца на головѣ или даже его длинной трубкой во рту...

О смерти говорятъ они съ важностью и со страхомъ, какъ дитя, когда говорить о водяномъ... Бѣдная мать, бѣдный заплаканный ребенокъ, бѣдный длиноносый священникъ. Они меня жалѣють... Почему?..

Говорили о смерти; Мальчи не боялась думать о ней. Вскорѣ послѣ своего приѣзда она ее увидѣла и быстро привыкла къ ней, словно къ подругѣ или сосѣдкѣ.

Да, въ комнатѣ жила она—ветхая, почтенная старушка; шагала тихо, какъ сестра Цецилія, подходила то къ той, то къ другой кровати, и привѣтливо было ея лицо. Ночью сидѣла въ углу, на низенькой скамеечкѣ, перебирала костяшки на четкахъ и дремала... Всѣ знали, что она въ комнатѣ и не обращали на нее вниманія: о ней говорили очень рѣдко; она не возбуждала въ нихъ ни страха, ни любви, но была чѣмъ—то неотдѣлимимъ отъ комнаты, неотдѣлимимъ, какъ столъ, какъ бѣлыя стѣны, какъ дремлющій свѣтъ передъ яслями...

Только однажды испугалась Мальчи смерти. Это было еще зимою, когда щеки Мальчи были полныя, и когда глаза еще неспокойно блуждали. У кровати стояла мать и сестра Цецилія. Мать была необыкновенно веселая потому что появился легкій румянецъ на щекахъ Мальчи. И сестра Цецилія сказала: «Возможно еще, что она поправится и къ веснѣ вернется домой»... Мальчи, которая сидѣла, опустилась на изголовье, такъ ее взволновали эти слова. Не знала тогда Мальчи, заволновалась ли она отъ страха или отъ радости... Но ночью уже стала чувствовать боль въ ранахъ, ощупывала тѣло и рыдала... И болѣе чужимъ казалось ей тогда лицо смерти и болѣе страшнымъ, чѣмъ позже. Она не была еще привѣтливой старушкой, которая хозяйничаетъ въ комнатѣ.—Въ тотъ вечеръ смерть ее позвала. Грустно ей стало, но она не понимала и даже не думала, откуда грусть...

А теперь понимала она все. Ея думы, раньше блуждающія, неясныя, шли теперь по прекрасному ровному пути прямо къ той цѣли, которая была намѣчена съ давнихъ поръ, и которую она давно уже предчувствовала. Словно роза въ теплой комнатѣ, расцвѣла ея душа въ то время, какъ на дворѣ свирѣпствовали холодные апрѣльскіе вѣтры, а почки едва распускались.

Безразсудно, какъ ребенокъ, надѣялась она когда-то на «другую жизнь», о которой говорила мать, что придетъ

откуда—то сразу, неожиданно... «послѣ Рождества, можетъ быть, послѣ Пасхи»... Но ея не было. Минуло Рождество, минула Пасха.. А мать все еще сидѣла передъ лампой, низко сгорбившись, и заботы бороздили ея лицо. Безразсудны были эти надежды, надежды на чудо. ...«Только сегодня еще такъ, а завтра, едва проснусь, будетъ все иначе»... Безразсудныя и шаткія надежды, выросшія изъ больного сердца, выросшія изъ заботъ и страданій; затерянные, блуждающія по крутымъ стезямъ, такъ далеко отъ гладкой, ровной дороги. Предчувствіемъ были эти надежды, безпокойныя, какъ предчувствіе, то угасающія, то вспыхивающія, какъ яркое пламя,—сестры отчаянія и ожиданія... Такими казались онѣ Мальчи, пока не расцвѣла ея душа, какъ роза въ теплой комнатѣ.

Она раскрыла глаза и взглянула на небо, которое улыбалось и манило...

Надъ землею сіяла весна, прекрасная какъ никогда раньше.

И всѣ подруги смотрѣли на небо, которое сіяло ясно и тепло; глядѣли на веселое солнце, ликующіе лучи котораго лились сквозь открытое окно, глядѣли и готовились въ путь. Удивительныя сказки рассказывали другъ другу, и въ этихъ рассказахъ было столько торжественнаго ожиданія!..

Всѣ, которыя могли сойти съ постелей, собрались въ путь, туда, въ прекрасную страну, въ иную жизнь. Многія изъ нихъ были тамъ уже въ прошломъ году и рассказывали объ этомъ съ чистой таинственной радостью, какъ рассказываютъ дѣти о святомъ Николаѣ, о Рождествѣ, о Пасхѣ.

По праздничному одѣтыя, смѣясь и ликуя, словно на веселую свадьбу, въ концѣ мая отправятся въ путь.

Сестра Цецилія поѣдетъ еь ними; внизу, передъ желѣзными воротами будутъ стоять три кареты; лошади нетерпѣливо топчутъ ногами, кучеръ оглядывается и торопитъ: —«Скорѣе, скорѣе, чтобы не опоздать къ поѣзду»!... Скорѣе въ путь, скорѣе! И мчатся по широкимъ безконечнымъ улицамъ, мимо высокихъ домовъ, сквозь пыльный городъ. Прощай, пыльный городъ. Прощай, милостивая графиня! Да славится имя Господне!... Въ поѣздъ! Въ поѣздъ! Уже ликуетъ поѣздъ, уже застучало, уже тронулись вагоны... Прощай, городъ! прощай, туманная долина! прощайте всѣ!

Поѣздъ громыкаетъ. Стукъ его ровномѣрный, глухой, словно тиканье огромныхъ часовъ. Къ окну, дѣти!

Смотрите: необъятный городъ въ долинѣ, тысячи, безчисленныя тысячи стройныхъ высокихъ трубъ... Ахъ, нѣтъ

больше ничего; былъ городъ, но онъ исчезъ, куда-то погрузился.

А теперъ, глядите: поле, луга, холмы, новый мѣръ, новая жизнь... Солнце, солнце, солнце! Гдѣ то солнце, которое свѣтило тамъ внизу? Нѣтъ его. Оно было лишь надеждой, было лишь предчувствіемъ.

Но это настоящее солнце; распростерло оно свои царскія сокровища по всему широкому небу, по всей необъятной землѣ. Смотрите, какъ оно высоко и какъ необъятно. Весь мѣръ потонулъ въ немъ... Такъ Богъ вознаградилъ непоколебимую вѣру...

И вѣра становилась тѣмъ безпокойнѣе, нетерпѣливѣе, чѣмъ теплѣе были ночи... Въ пути! Въ дорогу! Тамъ вся страна—безконечный садъ. Въ солнечныхъ грезахъ шепчутся деревья; розы мечтаютъ; человѣкъ идетъ мимо, слышитъ грезы, и счастливъ онъ, затерявшись въ солнцѣ и въ мечтахъ. Бабочки порхаютъ и мелькаютъ въ свѣтломъ, тепломъ воздухѣ; ихъ крылья то вспыхиваютъ, то потухаютъ...

Въ сердцахъ жила непоколебимая вѣра и ожидала дня осуществленія. Каждый вечеръ, когда грезили съ широко раскрытыми глазами, удивительныя, свѣтлыя и сладкія сказки летѣли къ лѣтнему жилищу, которое возвышалось подъ настоящимъ солнцемъ, среди необъятнаго сада. Втихомолку болтали до поздней ночи о сказкѣ, которая должна стать дѣйствительностью—и во снѣ досамаго утра, объ удивительной зелени, о высокихъ деревьяхъ, колеблемыхъ вѣтромъ, о грезящихъ розахъ. И блестѣли на деревьяхъ золотыя яблоки; серебристымъ пескомъ были усыпаны всѣ дорожки, и по нимъ гуляли принцы, молодые и красивые. А тамъ, въ кустахъ, сидѣлъ карликъ съ огромнымъ колпакомъ на головѣ и нюхалъ табакъ. Онѣ бѣгали по лугу, гдѣ мягкая трава достигала до кодѣнъ, одѣтыя въ легкія платья изъ серебряной паутины, бѣгали и смѣялись такъ, что звонкій смѣхъ долеталъ до самаго неба, гдѣ сидѣла сестра Цецилія на низенькомъ золотомъ стульчикѣ, вязала чулки и улыбаясь смотрѣла на нихъ; а за заборомъ стояла милостивая графиня и просила открыть ей дверь. Ея носъ былъ такой странный, похожъ на крендель. И Луизка подошла къ забору—«Да славится имя Господне!»—и срѣзала крендель...

Мальчи слышала однажды, какъ онѣ разговаривали...— «Чего мы ждемъ? хоть бы умерла Мальчи. А то ей было бы очень обидно: она думаетъ, что поѣдетъ съ нами.—Въ прошломъ году въ это время мы уже были тамъ, а не

было еще такого солнца, какъ теперь. Тамъ, вѣрно, все уже зелено, и все въ цвѣтахъ. Почему она не умираетъ?— Завтра, можетъ быть.—Только до воскресенья мы еще подождемъ; если и не умретъ, то все равно поѣдемъ».

Мальчи спросила утромъ сестру Цецилію: «А развѣ я не поѣду съ вами?»— «Конечно, поѣдешь!»...

И когда сіяло теплое и веселое солнце, оглядывала Мальчи комнату и видѣла, что всѣ глаза устремлены на нее, осматривали ея лицо, ея тонкія руки, ея воспаленныя губы, прислушивались къ ея тяжелому дыханію. И всѣ глаза просили: «Ну, умри же поскорѣе, Мальчи, умри!» Ибо за окномъ сіяло солнце и манило, и всѣ сердца стремились къ нему.

Въ новый міръ! Въ новую жизнь! Въ путь!.. Въ дорогу!...

Мальчи была увѣрена, что поѣдетъ съ ними, ни на мгновеніе не сомнѣвалась. Крѣпка была и ея вѣра въ новый міръ, въ новую жизнь, и она спѣшила туда, гдѣ сіяетъ настоящее солнце, и гдѣ вся страна—безконечный садъ...

...Едва стало разсвѣтать, какъ пронесся таинственный шумъ по комнатѣ; всѣ вставали и необыкновенно суетились. Праздничное веселье было на всѣхъ лицахъ. И Мальчи проснулась; ея вѣки чуть-чуть раскрылись, чтобы оглядѣть комнату... «Ну теперь мы, наконецъ, поѣдемъ», подумала она. Сестра Цецилія ходила тихо, на цыпочкахъ; подошла къ постели и наклонилась, но не замѣтила, что и Мальчи проснулась. Погладила ее по лбу, отерла платкомъ потъ и поправила одѣяло.

Разсвѣтало. Солнце заблестало на стѣнѣ.

Въ путь! Въ дорогу!

Мальчи зашевелилась. Ея худыя, неловкія ручки напрягались, чтобы риподнять одѣяло... «Пора уже!—думала она— надо вставать и приготовиться!» Но, что это? не поднимается голова; ноги, точно изъ дерева. Полуоткрытые глаза блуждаютъ безпокойно, рука ощупываетъ одѣяло, изголовье, но праздничнаго платья нѣтъ на постели. Лежитъ, вѣрно, на стулѣ, и надо бы посмотреть. Ея губы зашевелились, чтобы позвать сестру Цецилію, но она забыла; какъ-то сразу смѣнились мысли ея новыми... А какъ же въ путь безъ матери? Такъ долго надѣялась мать на другую жизнь, ждала ея постоянно, а теперь, когда надо ѣхать, не приходитъ...

Уже были всѣ одѣты. Двигались, словно маленькія тѣни. Солнечные лучи сіяли по стѣнѣ, свѣтили все ярче и ярче.

Тѣни шевелились, что-то глухо стучало, двери открывались. Оглянулась сестра Цецилія: тонкій голосокъ пропищалъ на кровати. Наклонилась, прислушалась: вѣки съ трудомъ приподнялись, глаза тревожно засверкали, губы шептали что-то непонятное.

— Конечно, Мальчи, поѣдешь! И сестра Цецилія принесла ей праздничное платье. Мальчи улыбнулась: тверда и непоколебима была ея вѣра; она не сомнѣвалась; удивлялась только, почему не было праздничнаго платья на самой кровати, и почему всѣ собирались такъ тихо и скрытно, какъ будто хотѣли ее обмануть и оставить одну... Зашумѣло на дворѣ словно раздался стукъ каретъ по каменной мостовой... Въ путь! Въ дорогу! Солнце едва можетъ дожидаться, розы пахнуть и зовуть!.. Надо одѣться поскорѣе, поскорѣе заплести волосы въ прекрасную длинную косу, и тогда въ путь... А, вотъ! И мать вошла въ дверь. Словно тѣнь стоитъ она возлѣ кровати, но Мальчи узнала бы мать, даже если бы не взглянула. Да, во-время пришла мать. А теперь въ дорогу, въ новую жизнь... Руки скользили по одѣялу, пальцы корчились; но праздничное платье было такое тяжелое; Мальчи не могла его приподнять... Тогда впервые овладѣло ею безпокойство, что-то мрачное и больное овладѣло ея мыслями... Она застонала. Словно во снѣ слышала рыданья матери..

Охватила ее вдругъ тревога; казалось, кареты свернули совсѣмъ не на ту дорогу, а внизъ, туда, гдѣ долина, гдѣ ночь, гдѣ страданья... Губы шевелились. Она вскрикнула, но голосъ застрялъ. Тутъ оглянулась Луизка: «Вѣдь черезъ долину же надо... а то, какъ же туда, наверхъ?»... Да, надо по длиннымъ-длиннымъ улицамъ, черезъ пыльный городъ... Кареты дребезжатъ по каменнымъ мостовымъ... Прощай, пыльный городъ! Прощай, милостивая графиня!... Приятно покачиваютъ экипажи и усыпляютъ...

Веселая процессія выбирается изъ долины, гдѣ ночь и страданіе. Бичи хлопаютъ, кони ржатъ, звонъ копытъ раздается по каменной мостовой. Въ коляскахъ поютъ молодые голоса, все дальше и дальше остается долина за ними. А тамъ наверху уже горятъ холмы. Солнце идетъ процессіи на встрѣчу. Уже сверкаютъ его волосы изъ золотыхъ лучей сплетенные...

Привѣтъ Тебѣ, Христось! Женихъ мой безмѣрно любимый, такъ нетерпѣливо ожидаемый! Привѣтъ Тебѣ!...



NARODNA IN UNIVERZITETNA  
KNJIŽNICA

COBISS



00000383800

